

The background of the entire page is a complex, abstract pattern of swirling, ethereal blue and black lines. The lines are thin and delicate, creating a sense of movement and depth, reminiscent of smoke or liquid in motion. The colors range from deep, dark blues to bright, almost white highlights, giving the pattern a three-dimensional quality.

Дмитрий Тагунов

На пороге

Дмитрий Тагунов

На пороге

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34109632

ISBN 9785449092250

Аннотация

«На пороге» – научно-фантастическая повесть, рассказывающая о противостоянии человеческой цивилизации и таинственной космической расы, стремящейся превратить Землю в огромный полигон для реализации своих безумных идей. Человечество оказалось на пороге новой эпохи, и судьба всего мира зависит от усилий нескольких пытливых учёных, бьющихся над тайнами внеземных технологий и пытающихся познать предназначение разума. В сборник также вошли рассказы разных лет.

Содержание

На пороге	5
1. С левой ноги	5
2. Мыслитель	25
3. Под аплодисменты	36
4. Сплетенье троп	63
5. Минуты озарений	98
Конец ознакомительного фрагмента.	110

На пороге

Дмитрий Тагунов

© Дмитрий Тагунов, 2018

ISBN 978-5-4490-9225-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На пороге

1. С левой ноги

У всего есть начало. Жизнь начинается с рождения, день начинается с рассвета, а утро – с пробуждения. И не важно, что на часах уже почти вечер: раз проснулся, значит всё равно утро!

К тому же пробуждению способствовал настойчивый и неприятный голос.

– Уйди, – проворчал Ложкин, ворочаясь на диване. Но голос не уходил. Он звучал прямо в голове.

– Фёдор Борисович, ты меня слышишь?

– Да слышу, слышу. Кого там ещё?..

Ложкин разлепил глаза и окинул взглядом просторную светлую комнату с большими окнами и уютным беспорядком. На стене замер солнечный зайчик. Было довольно душно – кондиционер не работал. Из-под тонкого клетчатого пледа торчала пухлая волосатая нога.

Некоторое время Ложкин лежал, вслушиваясь в себя, и внезапно сообразил, что принимает чей-то вызов.

– Федя, ты как? – передал кибермозг следующую фразу.

– О, боже, Рома, ты?!

Ложкин мысленно приказал вывести сигнал на двухмер-

ный экран. Экран послушно материализовался из стены и зажегся, транслируя изображение.

– Что случилось? – недовольно пробурчал Ложкин, глядя на появившегося в экране офицера средних лет в чёрном мундире, с потемневшими от усталости глазами и слегка взъерошенными волосами.

– Для тебя послание, дружище. Есть работа...

– Я уже четыре месяца не работаю, – перебил его Фёдор. – Исчезни...

– погоди, ты не дослушал. Мне кажется, тебе будет интересно узнать, что один видный учёный приглашает тебя участвовать в интересном и перспективном проекте.

Некоторое время Ложкин молча лежал, невидяще глядя на офицера. Потом кивнул в сторону дальней стены.

– Видишь там мои награды? Человечество мне двести лет ещё обязано будет. Ага? Не заманишь! Теперь дай поспать... – Он улёгся поудобнее, закутываясь в плед. Но под пристальным взглядом Романа сон, естественно, не шёл. – Эх, ладно. Что за послание там у тебя?

– Может, попробуешь угадать? – улыбнулся офицер.

– Да знаешь, не до этого. Впрочем. Учёных моего уровня только двое. Ох! – Ложкин попытался сесть, но тут же болезненно заныла спина. Плед скатился одним концом на пол, обнажая торчащее из-под майки учёного пузо. Стройностью Ложкин не отличался и вообще недолюбливал спорт. – В общем, думаю, что просьбочку эту прислал Юрковский. Толь-

ко он. Стёпа Павленко сейчас занят телепортационной установкой, он меня и на тысячу километров к себе не подпустит. Так что остаётся только Андрияша Юрковский. Так?

– Совершенно верно.

– А тебе-то какой с этого интерес? К чему спешка такая? –

Ложкин сел, тщетно пытаясь нащупать ногами тапочки.

– Я любопытен, ты же знаешь, – улыбнулся Роман. – И ещё у меня к тебе будет просьба. В проекте Юрковского участвует один молодой специалист. Протеже Андрея. Я бы хотел, чтобы ты за ним понаблюдал. Сам понимаешь с какой целью.

Ложкин запустил в экран подушкой, но промахнулся. Роман и бровью не повёл.

– Как зовут пацана? – голос Фёдора не предвещал ничего хорошего.

– Сергей Мамонтов. Двадцать восемь лет, окончил Московский...

– Тихо-тихо! – поднял руки учёный. – Скинешь данные на мой номер, не грузи меня сейчас. Ещё «просьбы» будут?

– Так ты принимаешь предложение Юрковского? – не уступал офицер.

– Принимаю, – хрипло сказал Ложкин. В горле вдруг пересохло, и отчаянно захотелось чего-нибудь выпить.

– И отличненько. Сейчас свяжись с Андреем, а я пока подготавливаю тебе транспорт. Надеюсь, твоё участие...

Ложкин резко оборвал связь, устав слушать пустую болтовню. Некоторое время он сидел, напряжённо глядя в ок-

но, а затем вновь повалился спать. Но заснуть уже не мог. Нет, ну надо же, совсем эти военные обнаглели! Ладно, если просто заинтересованы новыми разработками. Так нет же, их ещё и кадры интересуют! Пользуются моим добродушием, с негодованием подумал Ложкин.

Он поворочался, ощущая острый недостаток подушки, но вставать из-за такой мелочи не хотелось.

По комнате вдруг прошёлся прохладный ветерок, и учёный быстро открыл глаза, ощущая на себе чей-то взгляд. На краешке дивана сидел едва различимый тёмный силуэт. Сидел и смотрел в упор на окаменевшего учёного.

В груди всё сжалось, по телу прошёлся холодок ужаса. И тут же всё прошло, таинственная тень исчезла и ощущение чужого присутствия оставило Ложкина.

– Фу ты, ну ты, тра-та-та, – шумно выдохнул учёный. – Померещится же. Но себя бояться глупо. Бояться глупо. Глупо себя бояться...

Повторяя это, он направился в ванную и принял ионный душ. В зеркалах снова промелькнула странная тень, но Ложкин уже не боялся её. Такое уже случалось раньше, напомнил он себе. Нет-нет, я не безумен! Я никогда не признаю этого! И пусть мерещится! К чёрту! Ах, кто это ходит рядом со мной? Ой, разве вы не видите?! Ну и к чёрту! А я вижу! И наплевать! Ну вижу и вижу, что ж с того! Мне не мешает, а вам ведь всё равно. Всё равно всё равно? Хм. Забавно.

Услужливый гардеробный робот подобрал простенький

летний костюм для своего импульсивного хозяина.

– Собери мои вещички, я сегодня улетаю, – приказал Ложкин, отправляясь на обязательную ежедневную прогулку. – И не усердствуй как обычно – один чемодан, этого будет довольно.

На улице уже зажглись фонари, хотя было ещё довольно светло. Маленькое солнце, размером с копеечную монетку, оказалось сейчас в дальнем конце проспекта, и Ложкин повернулся к нему спиной. Свежий марсианский воздух бодрил и придавал сил.

Копеечная монетка – у меня есть такая, подумал учёный. Осталась от прадеда. Тот любил собирать реликтовые деньги. Странное хобби, но, впрочем, бывает и похуже.

Движение на улице ещё не стало сильным. Машины проезжали мимо с простодушной неторопливостью, немногочисленные прохожие наслаждались хорошей погодой. В Краснограде вообще не принято суетиться, куда-то спешить. Это вам не Земля, тут другие законы.

– Тут воздух другой, – пропел Ложкин и заказал какую-нибудь музыку. Биоимплант кибермозга мгновенно совершил поиск в Сети, и уже через секунду в голове зазвучал простенький, даже легкомысленный мотивчик. Под него-то и зашагал Ложкин, разглядывая невысокие красивые дома, сворачивая на пешеходные проспектики, ныряя под кроны лип и милых взгляду берёзок. Неспешный ветерок подпевал тихой музыке, игриво шелестя в листве деревьев. Во дворах

резвились беззаботные дети, в небе кружились воздушные шарики. Встречные девушки улыбались, и на душе становилось теплее.

А ведь не так всё плохо, чёрт возьми! Ложкин осмотрел своё отражение в витрине магазина. Рост метр девяносто три, вес сто двадцать. Да, невысокий, толстенький... умный, талантливый, обаятельный, самоуверенный! Шикарный мужик, вообще! На круглом лице невольно появилась улыбка.

Хорошо!

Он купил любимого яблочного мороженого и заказал себе открытый электрокар – прокатиться по парку. Юрковский ждёт звонка? Подождёт, красавец, никуда не денется! Возле пруда учёный остановил машину и стал наблюдать за милой парой – женщиной и её сыном, кормивших уток. Утки здесь были умные, людей не боялись, мирно плавали, как маленькие катера. И даже не пытались взлететь. Гравитационные рассеивающие линзы под городом создавали силу тяжести 8g, но их действие быстро пропадало с высотой, и рискнувшая взлететь птица оказалась бы в разреженной марсианской атмосфере. Подумав об этом, Ложкин погрустнел – его тело имело постоянную массу, но не постоянный вес, и на Земле он уже не будет так легко порхать, как здесь. Исчезнет плавность, воздушность движений. Улетать на Землю не хотелось.

Ложкин не помнил, как оказался перед театром, разглядывая афиши. Здесь не то, что на Земле: никаких бо-

евиков, никакого фантастического шума. «Воспоминания о прошлой жизни», «Прогулки», «Давно позабытое старое», «Голос уснувшей звезды», «Ожидаемому будущему», «Особый день календаря», «Почему гаснут фонари»...

Сами названия располагали к размышлениям, к неторопливому течению жизни. Учёный застыл, глядя на яркие вывески афиш, и не мог сдвинуться с места. Почему-то казалось, что он сюда вернётся очень не скоро.

А время всё шло, шло, шло...

Не помня себя, Ложкин очнулся в тихой аллее, где торговали сладкими булочками и пирожками. В животе заурчало, пузо немедленно потребовало принести ему что-нибудь в жертву, и Фёдор, как покорный раб, со вздохом купил себе вишнёвый рогалик.

– Когда уже худеть начну, – проворчал он. – Надо бросать есть, наверное, так!

Робот-продавец его не понял. Но на всякий случай кивнул. Ложкин и не ждал иного ответа.

Как это обычно и случается, маленькая сладкая булочка только раззадорила аппетит. Заглянув в симпатичное и полупустое кафе, Ложкин уселся за столик возле окна, сделал заказ и, подумав, вызвал терминал межпланетной связи. Пора уже поговорить с Юрковским, нехорошо всё-таки заставлять старика ждать.

В который уже раз Ложкин задумался об этой самой межпланетной связи. Свет идёт от Марса до Земли где-то минут

двадцать. А связь работает мгновенно! КАК?! Этот стервец Павленко, который и изобрёл свой замечательный передатчик, а теперь бьётся над техникой телепортации, что-то знает такое о свойствах пространства, чего не знают остальные. Вот с кем Ложкин действительно поработал бы с огромнейшим удовольствием! Прикоснуться к тайне, чужой, но оттого ещё более притягательной – м-м-м, аж мурашки по коже! Но...

Да, Стёпа открытиями делиться не будет, тудить его растуды.

В столе открылся небольшой экранчик, и в матовой глубине транслируемого изображения Ложкин разглядел чуть размытый образ Юрковского. Старику недавно исполнилось семьдесят – вдвое больше, чем Ложкину, – но держался он молодцом. Гладко выбритый подбородок, аккуратно причёсанные короткие седые волосы, густые брови и добродушный взгляд зелёных внимательных глаз. Юрковский смотрел куда-то вниз и осторожно гладил шею. Вызов, хоть и был ожидаем, всё ж застал его врасплох.

– Именем Циолковского, вы арестованы! – весело крикнул Ложкин, не особо заботясь, что его услышат посетители кафе: «Комфорт-система» кафетерия заботливо окружила его непроницаемым куполом. – Всем оставаться на местах! Ну-ка, кто это там? Ой! Сюрприз! Андрюша, ты, что ли?

– Я, Федя, я. Чего ты так долго? – Старик вовсе не сердился. Он не умел сердиться, и упрёк в его исполнении про-

звучал наигранно и почти игриво.

– Надо было подумать, ты же понимаешь, – развёл руками Ложкин. – Ну, чего ж теперь-то. Расскажи мне лучше, что там у тебя приключилось и почему требуется моя помощь?

Юрковский посмотрел по сторонам, будто сомневался, что находится в помещении один. Затем быстро заговорил.

– Строго между нами, Федя, ты должен понимать. Дело чрезвычайной важности. Восемь дней назад в небе над Севастополем потерпел крушение космолёт дарков. От него мало что осталось, но кое-что... – В голосе старика послышалась хрипотца, и он несколько раз кашлянул. – Ты можешь мне не верить, но у меня за спиной сейчас лежит элемент вооружения космического крейсера дарков, и, как ты понимаешь, есть шанс кое-что понять в его устройстве. Другое дело, что мы мало что понимаем в инопланетных технологиях...

– И поэтому тебе понадобился лучший эксперт по тяжёлому вооружению, – с улыбкой закончил за него Ложкин. – Ох, Андрюша, ты всегда был склонен всё излишне драматизировать. Авария, инопланетные технологии, космический крейсер, тайны, тайны... Сказал бы просто: у нас есть пушка дарков, приезжай посмотреть, поковыряться, обмозгуем за чашечкой кофе! Так нет же, надо тебе из себя бойца невидимого фронта строить!..

Юрковский был немного сконфужен, но не обиделся, конечно. Не той породы человек.

– Так что, ты приедешь? – зачем-то спросил он. Ложкин

чуть не выругался.

– Конечно, приеду. Что вы там без меня можете... Где, ты, кстати, обретаешься? В Севастополе?

– Киев, Федя.

– Киев, – повторил учёный. – Ох, Россия-мать! Ладно. Слушай внимательно, вот мои условия. Как ты знаешь, я люблю работать в комфорте. Так что готовь бумаги на ввоз вещичек. У лаборатории какой уровень секретности? «М»? – Старик кивнул. – Я так и думал. И, конечно, когда мы закончим, я свои вещички вывезу – на тебе, опять же, бумаги на вывоз. Что ещё? Ага, деньги. Что у нас с деньгами, Андрюша?

– Всё как обычно. В случае успеха... – Юрковский заметил, как изменилось лицо Ложкина, и тут же поправился: – Я хотел сказать, когда мы завершим работу, получим стандартный годовой оклад. Плюс выплаты каждый месяц по системе института, это ты должен помнить. Плюс международная премия... её придётся поделить. Тебе сорок процентов. – Правая бровь Ложкина медленно поползла вверх, но Юрковский решил держаться выбранной позиции. – Да, Федя, работать будем не одни, так что не жадничай. Моя доля такая же, как и у тебя. А вместе с нами будут работать...

– Это не важно! – перебил его Ложкин. – Твои ассистенты меня не интересуют, а своих у меня всё равно нет. – Он подумал секунду, потом сказал: – Ладно, договорились. Через трое суток я буду в Киеве. Ждите меня с цветами, хле-

бом-солью и восторженной делегацией встречающих. В делегации должно быть больше девушек...

– Будем ждать, – добродушно усмехнулся Юрковский.

– Конец связи.

Воздушный колпак развеялся, и Ложкину принесли долгожданный заказ.

***

Робот-балбес приготовил чемодан и две толстые сумки с вещами. Спорить с ним бесполезно, система давно произвела расчёт и выдала оптимальный вариант. Что ж, подумал Ложкин, если мнительная машина считает, что без этих вещей не обойтись, то пусть будет так. Погрузив сумки на услужливо предоставленную электронным управителем дома аэротележку, учёный поспешил к выходу. На улице уже стемнело, а людей стало как будто больше. Один из них, странного вида мужчина с листовками в руках, столкнулся с учёным прямо перед дверью и, бросив полный фанатизма взгляд, затараторил:

– Готовы ли вы к смерти? Знаете ли вы свою судьбу? Осознаёте ли предназначение человечества? Верите ли в то, что наступают Последние Дни? Встревожьтесь! Грядёт Апокалипсис!

– Ой-ой, – усмехнулся Ложкин. – Неужто всё так тревожно?

– Да. Да! В две тысячи сто восемьдесят девятом году грянет Страшный Суд! – выпалил безумный прорицатель.

– Осталось всего четыре года, – покачал головой учёный. – Какая печальная новость. А дата точная? Откуда такая информация?

Таинственный пророк не уловил иронии собеседника и уже собирался выдать новую порцию полезных сведений, но Ложкин его опередил, легонько коснувшись его плеча и проникновенно заглядывая в глаза.

– Утешься, приятель. Лайты прилетят и спасут нас.

– А кто спасёт нас от лайтов?!

– Чего, пардон?.. – не понял Ложкин.

– Кто-нибудь когда-нибудь видел живого лайта? Ну хоть кто-нибудь?..

Ложкину эта мысль показалась интересной: значит, время потрачено не зря. Будет о чём пораскинуть мозгами в полёте. Завидев, как к дому подъезжает армейский автомобиль, учёный поспешил закончить разговор.

– Лично я не видел живого лайта. И на Земле их никто не видел. И даже дарки их не видели. И, наверное, сами лайты себя не видели! А может их и вовсе нет! А? Не задумывался о таком? Но их космолёты – вполне реальны. И технология лайтов спасает миллиарды жизней. И их битвы с дарками – тоже не шутка. Знаешь что? Иди-ка домой, прими душ, выспись хорошенько. Вот, на, купи себе пирожок, – он сунул в карман незнакомцу небольшую купюру. Тот стоял как вко-

панный и, кажется, вслушивался в себя, не особо понимая, что происходит вокруг. Робот уже уложил сумки в машину, и Ложкин поспешил занять своё место на заднем сидении. – И покажись психиатру, друг мой! Он с удовольствием тебя выслушает!

Учёный захлопнул дверцу и коротко бросил водителю:

– Погнали, у нас двадцать минут.

Бритоголовый парень в военной форме покорно кивнул и взялся за руль. Машина тронулась, быстро набирая ход. За окнами калейдоскоп зданий слился в сплошную линию, и где-то позади остались домашний уют, блаженное безделье и таинственный бродяга, сыплющий зловещими прорицаниями. Никогда не иссякнет тяга людей ко всякой магии, астрологии, хиромантии, и никогда не исчезнут пророки, толкующие о грядущих бедах и несчастьях. И хоть бы один предрёк что-нибудь хорошее! Ну там, например, что будет побеждена смерть, что исчезнут болезни, что не останется бедных и убогих...

Что дарки будут навсегда изгнаны из Солнечной системы, а тайна лайтов раскрыта. Кто они, в самом деле, эти лайты? Друзья? Союзники? Некая третья сила, сражающаяся за этот регион галактики или же странная каста дарков, один с ними народ, только придерживающийся иных взглядов? Техника у них, и правда, похожа, а вот мотивы – с этим сложнее. Никто из людей не может дать внятный ответ, ведёт ли сейчас человечество космическую войну или же просто мы

оказались случайными участниками чего-то, находящегося за гранью нашего понимания?

От размышлений учёного отвлекло чувство, что он на заднем сидении не один. И правда, повернув голову, он увидел рядом с собой красивую девушку, брюнетку с ангельским лицом. Ложкин медленно окинул её взглядом: на ней только чёрная кофточка, чёрная короткая юбка и чёрные туфельки. Длинные стройные ножки надолго привлекли внимание Ложкина.

– Привет! – улыбнулась незнакомка. Учёный вздрогнул и отвернулся, принявшись сосредоточенно рассматривать пейзажи за окном.

Это было странно. Никакой девушки ещё минуту назад здесь не было, значит, это всего лишь плод большой фантазии. Такое случалось раньше, да. Но обычно такие вот взявшиеся ниоткуда «персоны» не разговаривали. Этот же фантом вёл себя более активно.

– Привет, говорю!

– О-хо-хо, мне самому, похоже, пора к психиатру. – Ложкин выглядел печальным и ослабшим. – Или ты тоже считаешь, что нам всем скоро придёт конец?

– Лайты не спасут вас, – сказала незнакомка таким серьёзным голосом, что учёного пробрала дрожь.

– Правда? – удивился он, пытаясь взять себя в руки. – Ну, допустим. А что ещё ты можешь мне сообщить? По идее, ты знаешь только то, что знаю я, так? – Фёдор заметил, что де-

вушка усмехнулась одними глазами. – Ну, а раз так, то скажи мне, например, что это за кадр такой – Сергей Мамонтов? В чём его секрет? Я не понимаю, зачем Ромке понадобился этот парнишка. Судя по досье ничего примечательного...

– Он телепат, – пояснила незнакомка. – Он будет видеть все твои мысли, ты должен быть к этому готов.

Ложкин был хмур и задумчив.

– Ладно, Света. Ничего, если я буду звать тебя так? – Он мельком покосился на водителя, но тот сидел как глухой: несчастная жертва генетической кибермодификации. – Эту информацию мы проверим. А о себе ты что-нибудь можешь сказать? Ты надолго в моей голове?

– А это как ты сам захочешь, – обворожительно улыбнулась Света и тут же исчезла. Ложкин хлопал глазами, осматривая неожиданно опустевшее место рядом с собой.

– Да ладно, чего так быстро-то? Могли бы и поболтать, – с лёгким оттенком грусти произнёс он, но красивая девушка так и не вернулась.

***

Ложкин смутно помнил, как садился в космолёт. Когда серый язык трапа втягивал внутрь пассажиров и багаж, учёный поднял голову и окинул придирчивым взглядом вытянутое акулородное тело корабля, белое, с серыми косыми полосами, со странными выемками в почти непробиваемом кор-

пуге. Стеклянная чаша космопорта за спиной сияла на солнце, и учёный поминутно одёргивал намокшую от пота рубашку. Внизу суетились роботы, прилаживая какие-то механизмы к стометровому килю красавца-лайнера.

Затем всё скрылось. После слепящей свободы тесные коридоры корабля показались тёмными, блеклыми, размытыми. Ложкин поймал себя на том, что плохо соображает. Его куда-то услужливо вели вглубь корпуса, в самое чрево космического странника. Смутно виделось, как въехал в стену люк и раскрылось пространство каюты – не слишком большой, но это лучшее, что могло быть. Люкс на этом корабле не предусмотрен.

Люк закрылся, Ложкин остался в одиночестве. Бросил в кресло чемоданчик, отодвинул занавеску, закрывавшую импровизированное «окно». Неосознанно отдал приказ кондиционеру подать в каюту прохладу и затем несколько минут нежился под освежающим «ветерком», дующим из вентиляционной решётки.

Когда он успел завалиться спать, он не помнил. Три дня он не покидал каюту, находясь в полудрёме. Наконец, внутренний голос предупредил его об опасности, и учёный, всегда доверявший своей интуиции, поспешил в командную рубку корабля. Его никто не задерживал. На него не обращали внимания.

Растрёпанный, с заспанным красным лицом, Ложкин вошёл в рубку и остановился. Небольшой вытянутый зал с при-

борами и экранами вдоль стен. В удобных креслах сидели люди. В центре зала в отдельном кресле устроился капитан, обернувшийся на вошедшего Ложкина. Из-под фуражки на учёного глянули усталые, напряжённые глаза.

– Посторонним сюда нельзя, – хрипло пробасил он. – Как вы вошли?

Вместо ответа Ложкин показал большим пальцем через плечо – прямо на услужливо открывшиеся двери.

– Вижу, у вас проблемы. Я готов вам помочь! – сказал он.

Как ни в чём не бывало, Ложкин прошествовал по залу, бегло окинул взглядом экраны и запросил связь с главным компьютером. Связь была предоставлена мгновенно. Капитан поднялся и хотел, видимо, сказать что-то угрожающее, но Фёдор опередил его.

– Не стройте из себя дурака. Раз вошёл, значит, есть допуск. Моя фамилия Ложкин. Слыхали? – По лицу капитана он понял, что попал в цель. Конечно, кто же не знает самого Ложкина?! Оружие и защита кораблей, после долгого перерыва вернувшихся на межпланетные трассы – его рук дело. Его заслуга. И то, что с дарками стало возможно сражаться на равных – тоже. – А ну-ка, подвинься, папаша.

Учёный бесцеремонно отодвинул капитана и уселся в его кресло.

– Сейчас посмотрим, чего вы тут без меня натворили...

Компьютер уже транслировал изображение в мозг учёного. Рядом с кораблём в пространстве летело четыре крей-

сера прикрытия – обязательный эскорт. А вдалеке роились космолёты лайтов и дарков. Сияюще-белые сферы кораблей лайтов кружили вокруг лайнера, обеспечивая защиту со всех сторон. Всего десять кораблей – на первый взгляд немало. Но...

Восемьдесят чёрных сфер дарков! Непроницаемо чёрные, абсолютно чёрные. Не отражающие свет, а словно поглощающие его. Настолько чёрные, что были неразличимы человеческим глазом в космическом пространстве. Четыре из них поднялись ещё с Марса, подсказал компьютер. Остальные явились из межпланетного пространства и постепенно сжимали кольцо вокруг маленького флота. Битва ещё не началась, но вот-вот должна была начаться. Земля висела сине-белой каплей прямо по курсу. До неё ещё три с половиной часа...

– Отвратительная у нас ситуация, – поведал Ложкин капитану свои соображения. – Сейчас они начнут атаку.

– Откуда вы зна...

– Дьявол! Уже начали! – Учёный вскочил, оглядывая окружавших его людей. – Слушайте меня внимательно. Мы прорвёмся! Но для этого прошу передать управление мне! – Он имел право не просить, а требовать: не зря всё-таки столько лет крутился в военных кругах. Но сейчас дело обстояло действительно скверно. Лайты будут защищать лайнер, это ясно. Их никто не просил, их никто не звал, но они здесь, и значит, будут действовать.

Известно, что мозг человека принимает решения быстрее машины – пока автомат перебирает варианты действий, человек уже знает, как надо действовать. Так, по крайней мере, учили на курсах кибернетики. Извечная проблема искусственного разума. А такой мозг, как у Ложкина, вызывал уважение даже бывалых тружеников науки! И переключить на него системы корабля – идея не самая бессмысленная.

– Действуйте, профессор, – согласно кивнул капитан, примиряясь с неизбежным. Ложкин профессором не являлся, но поправлять капитана не посчитал своевременным. В космосе разворачивался настоящий ад, всё кружилось и металось, и разобраться в этом казалось невозможным. Дарки атаковали группами, умело распыляя силы противника. Лайтов было слишком мало. Они вертелись, пытаясь прикрыть летевший по прямой лайнер, но не могли закрыть всех направлений.

Так-так, подумал Ложкин. Самое время поучаствовать в спектакле! Лайнер вздрогнул и резко ушёл в сторону, освобождая в центре строя марсианских крейсеров пустое пространство. Спустя несколько мгновений через это пространство пронеслось полтора десятка кораблей дарков, упустивших цель.

– Сообщение с Земли! – повернулся к Ложкину один из связистов. – Китайцы поднимают триста кораблей нам на помощь! Идут с перегрузкой, на предельной скорости, через полчаса будут здесь!

– Отличная новость! – бодро сказал учёный, а сам подумал: «Продержаться бы...» – Просто отличная новость...

2. Мыслитель

Сергей Мамонтов заметно волновался, но старался держать себя в руках. Будущее надвигалось на него, неведомое, странное, волнующее. Будущее, полное больших надежд и огромных возможностей. Приглашение от Андрея Георгиевича Юрковского поучаствовать в совместном проекте пришло неожиданно, но вместе с тем это было словно само собой разумеющимся, чем-то таким, что должно было произойти рано или поздно. Сергей чувствовал, что далеко не полностью раскрыл свой умственный потенциал, и горел желанием проявить себя в новом деле.

Машина подъезжала к территории института. Показалась изгородь, за которой сперва виднелись посадочные полосы для малого воздушного транспорта, а затем всё заслонила собой непроницаемая зелёная стена, настоящий ботанический шедевр.

Мысли водителя, сидевшего впереди, походили на тусклые сполохи. Этот человек чувствовал усталость от окружающей его действительности, но об истинных причинах своей грусти он предпочитал не вспоминать. Нечто нехорошее случилось в прошлом, дальнейшее же – просто шлейф негативных эмоций, оттенков мыслей, опутавших сознание дымкой равнодушия. Сергей всматривался в чужое сознание, пытаясь понять, может ли он что-то сделать для этого человека.

Но машина уже подъехала к главному входу, и водитель прервал размышления молодого учёного:

– Здесь, Сергей Филиппович. Удачи вам.

– Спасибо! – искренне поблагодарил юноша, покидая уютный салон автомобиля. В руках Сергей держал бежевый чемоданчик – свой единственный багаж. Машина за спиной зашуршала шинами, отъезжая от высоких решётчатых ворот и оставляя юного учёного в одиночестве. Вдохнув полной грудью ароматный прохладный воздух, он направился к открытому входу.

Вперёд! – подумалось ему. Исследовать технологии пришельцев и раскрывать тайны космоса! Подобрать ключик к секретам таинственной расы и приоткрыть дверь в неведомый и полный новых загадок мир! Звучит банально, может, но романтика неизведанного всегда несёт в себе некий оттенок обыденности. То, что влечёт человечество на протяжении тысячелетий, не меняется на протяжении всех этих тысячелетий. Люди те же. Тайны те же. Амбиции...

Да, ведь это действительно прекрасно! И самое прекрасное в новом деле – быть первым! Ну, одним из первых. Быть среди первых, если уж говорить совсем точно. Но с какими людьми придётся работать! Что за фамилии! Сказка! Мечта! Сам Андрей Юрковский! И Фёдор Ложкин! Невероятный, гениальный, чудаковатый Ложкин, способный раскрыть, казалось, любой секрет! Разве можно сомневаться, что столь грозному союзу умов не покорится тайна оружия дарков?

Ха! Можно считать, что эта тайна уже обречена!

Впрочем, это лишь одна из многих тайн. Сами дарки волновали Сергея не меньше, чем их технологии. Дарки и лайты – кто они на самом деле? Названия им дал какой-то канадский астроном со смешной фамилией, вылетевшей из головы. Названия, честно говоря, не слишком удачные... О вкусах, конечно, не спорят, но, например, за рубежом дарки носят иные имена. Их называют демонами, джиннами, ракша-сами, йомами и бог ещё знает как. Сам Ложкин на международной конференции в Женеве шесть лет назад назвал их чернушками. Просто и в то же время смешно. Он дал людям оружие против них. Он их не боялся. А лайтов, которых в некоторых странах называют ангелами, Ложкин обозвал застенчивыми светлячками. И тоже ведь не поспоришь!

Заняты сами представления людей об этих звёздных народах. Большинство населения Земли считает их пришельцами с соседних звёзд. Некоторая часть, конечно же, связывает их пришествие с религией. Наконец, кое-кто, пока остающийся в меньшинстве (среди них, кстати, и Ложкин), полагает, что дарки и лайты всегда были здесь, и каким-то образом связаны с Землёй. «Это не иной мир, не иная реальность, – доказывал в своё время Ложкин, – а иная форма пространства, более глубокая, глубинная часть мироздания. И если наша наука не может этого доказать, то не стоит сразу отречься от этой мысли. Наша наука примитивна и несовершенна, и таковой останется. Что бы мы ни делали, нельзя

переоценивать наши знания. Нельзя подкреплять веру в наше могущество, которого на самом деле нет...»

Сергей был не согласен с теорией Ложкина, но вполне допускал, что современная наука пока действительно многое не способна объяснить. Человечество даже до ближайших звёзд не добралось, а в собственной Солнечной системе ещё столько осталось неразрешённых загадок! Тот же Ложкин, кстати, полагал, что человечество никогда не достигнет других светил, а уничтожит себя где-нибудь через тысячу лет. Не хотелось бы думать, что он прав. Впрочем, Юрковский выдвинул недавно несколько любопытных теорий, способных подтолкнуть прогресс в направлении межпространственных перелётов.

Ах, всё-таки какие люди! Ложкин! Юрковский! И Мамонтов. Пока ещё не вставший с ними в один ряд, но надежды юности всегда простираются дальше обозримых горизонтов. Всё ещё впереди! Нет сомнений!

Сергей отвлёкся от размышлений и осмотрелся. Он шёл по неширокой петлявшей дорожке, вымощенной серым природным камнем. Кругом цвели многообразные цветы, высились необычные деревья. В кронах летали пёстрые маленькие птички, перекликаясь незнакомыми голосами. Свезённые с разных концов Земли чудеса природы поражали великолепным разнообразием.

Над широкими мягко-розовыми бутонами орхидей поднимались красные пионы. Белые, с жёлтыми серединка-

ми астры с полупрозрачными тоненькими лепестками напоминали коралловых актиний. Геометрическими срезами завораживали лабиринты цветущего шиповника. Мощёная дорожка петляла между тенистых стволов стройных тёмно-зелёных сосенок и величественных прямоствольных кедров. Невысокие кирпичные оградки разделяли заповедник на неравные участки. За новым поворотом открылась лужайка, посреди которой замерла величественная и пышная японская криптомерия, устремившая конус кроны к небу. За ней уже угадывалось здание института, семиэтажное, вытянутое, светло-бежевое, с окаймлёнными красным цветом окнами. Вдоль стены как солдатики высились невысокие, но стройные ряды скальных можжевельников с серо-голубой хвоей и тёмно-синими шишкоягодами.

А на парадном крыльце на белых ступенях, огранённых чёрным мрамором, дожидалась одинокого гостя юная красивая девушка в светлом платье. Её пышные каштановые волосы чуть колебались на ветру, а большие добрые глаза выражали смущение и интерес. Она мило улыбнулась Сергею, и он не смог удержаться от ответной улыбки.

– Здравствуйте! Не заблудились? – начала она разговор. Её голос показался Сергею сказочно прекрасным.

– У вас здесь очень красиво, – сказал смутившийся юноша, потупив взор. – И мне приятно видеть, что и девушки здесь тоже красивые...

Ужасно неуклюжий комплимент! Сергей мысленно обру-

гал себя последними словами, но тут же забыл своё негодование, встретившись со взглядом незнакомки. Её улыбка стала естественней, исчезло смущение и появился лёгкий румянец. Юноша протянул ей руку и решительно представился:

– Сергей! Для друзей Серж.

Её тонкие нежные пальчики потонули в его широкой ладони.

– Юля. Очень рада знакомству.

– И я! И я рад!

Они смотрели друг на друга, ощутив внезапное взаимное влечение. Затем Юля словно очнулась, и чудесное чувство единения ослабло.

– Что же мы стоим! Пойдёмте! – сказала она и потянула за собой вверх по ступеням. Сергей послушно поплёлся следом, не выпуская её руки. И по старой привычке сделал то, чего на самом деле не хотел – заглянул в её мысли, осторожно, словно боясь быть замеченным. Сергей со странным чувством понял, что действительно понравился Юле. И она, что интересно, как-то догадалась, что он понял. Она молчала, но не потому, что нечего было сказать.

Сергей обрадовался взаимному пониманию, но тут же внезапная мысль, словно вспышка молнии, разрушила возникшую идиллию. Понимание!!! Юноша вдруг отчётливо понял, что никогда не сможет достигнуть этого чувства. Нет, он понял это значительно раньше, но полностью осознал только сейчас. Сколько было передумано мыслей, сколько

отброшено идей...

Человек, способный читать мысли, никогда не избавится от одиночества души. Юля каким-то женским чутьём почувствовала перемену в её насупившемся спутнике и поспешила продолжить прерванный разговор.

– Вам правда понравился парк? – обернулась она к нему. Сергей остановился, переложил свой чемоданчик в другую руку и беззастенчиво взялся за Юлину ладонь.

– Очень понравился! – честно ответил он.

– Я рада! Мы все приложили усилия, чтобы парк стал таким, как сейчас. Там есть и мой уголок. – Девушка неуверенно отстранила взгляд. – Хотите взглянуть? – тихо спросила она.

– Хочу. Очень хочу! Но не сегодня, Юля. – Сергею понравилось произносить её имя. Его голос потеплел. – Мне предстоит много работы. Но если вы не против, я бы хотел навестить вас на днях. Покажете мне *ваш* парк. Я, может, тоже что-нибудь смогу сделать...

– Это было бы чудесно!

Они шли светлыми коридорами и большими залами. Институт больше походил на гостиницу: всюду стояли клумбы, цвели цветы. В анфиладах висели картины, где-то были расстелены длинные ковры, а где-то пол был свободен и украшен разнообразными рисунками. Лишь иногда в эту яркую идиллию проникал химический запах из лабораторий. Людей по пути почти не встречалось. Мужчина средних лет

в белом халате приветливо кивнул Сергею и Юле. Двое солдат в лёгкой камуфляжной форме о чём-то беседовали у открытого окошка. Разглядывал картины в одном из залов старенький профессор с задумчивым лицом и тусклыми глазами. Молодых людей, поздоровавшихся с ним, он даже не заметил.

Поднявшись на третий этаж, они оказались перед застеклённой кабинкой горизонтального лифта. Перед лифтом стояли двое: высокий атлетичный мужчина средних лет с чёрными волосами и ничего не выражающим лицом и стройная красивая женщина в строгом деловом костюме.

– Дальше мне нельзя, – грустно вздохнула Юля, и Сергей этому очень огорчился. Деловая женщина обернулась к ним и вежливо улыбнулась.

– Сергей Филиппович, а мы вас ждём. Здравствуйте. – Сергей вяло пожал её руку. – Извините, что не вышли встречать вас лично. Надеюсь, Юля вам всё тут показала и рассказала.

– Да. Спасибо за беспокойство.

– Ну что ж, будем знакомы. Меня зовут Ольга Антоновна Власова. Будем работать вместе. А это мой друг Леонид. – Сергею досталось крепкое рукопожатие: Леонид не считал нужным скрывать свою силу.

– Рад работать с вами, – тихо проговорил Сергей. Парочка переглянулась, будто застуканная на месте преступления.

– Леонид просто сотрудник института, к нашему про-

екту он не имеет отношения, – быстро заговорила Ольга. И тут же поспешно добавила: – Но если вам что-то понадобится, не стесняйтесь, обращайтесь к нему!

– Да! – подтвердил слегка смутившийся Леонид.

– Что ж, пожалуй, пора нам наведаться в лабораторию. Юрковский ждёт вас, Сергей Филиппович, – продолжила Ольга, справившись с чувствами. – Ещё увидимся, Лёня. Спасибо, Юленька, ты нам очень помогла.

– До свидания! – тоненько сказала девушка и бросила прощальный взгляд на Сергея.

– Пока! – одними губами произнёс он, прежде чем дверцы лифта закрылись. Кабинка понеслась по прозрачному коридору к следующему корпусу института. Это напомнило Сергею летающий паром, которым ему часто приходилось пользоваться в родном городе. Только летающие паромы движутся над водой, а тут... Тут всё цвело, под ногами раскинулось настоящий лес, густой, яркий, гармоничный. В зарослях высились другие корпуса института, соединённые горизонтальными лифтами и петляющими мощёными дорожками. Сверкала на солнце оранжерея – полукруглый стеклянный ангар на периферии парка. А где-то недалеко уже виднелась внезапно обрывающаяся кромка леса, и за ней начиналось серое поле маленького аэропорта с контрольными башенками и военными строениями.

Двухсотметровая стеклянная труба закончилась, двери лифта раскрылись, и Сергей оказался словно в другом мире.

Никаких цветов. Ни ковров, ни картин, ни узоров. Бледно-серые стены, тусклый стерильный свет, ощутимый всем телом низкий гул механизмов. И никого. Здание казалось необитаемым, мёртвым.

Ольга молча направилась дальше по широкому коридору, и Сергей поспешил за ней. Слева и справа на стальных широких дверях висели таблички, одни с номерами, другие с названиями помещений. Все двери были закрыты. Ольга казалась задумчивой и собранной. Молодой учёный и сам ощутил, как давит на сознание здешнее пространство.

Они прошли неприветливыми коридорами до небольшого помещения, набитого различной аппаратурой. Электронные приборы, заваленные техникой столы, широкие панели управления, гибкие эластичные экраны...

Спиной к вошедшим в небольшом креслице сидел старик Юрковский и пролистывал какой-то отчёт. Он обернулся на звук шагов, улыбнулся и неспешно поднялся навстречу гостям.

– Сергей Филиппович! – искренне обрадовался Андрей Георгиевич, хватая Сергея за руку и доверительно заглядывая в глаза.

– Можно просто Серж, – сказал в ответ юноша.

– Отлично! Вы здесь – отлично! – Старик выглядел счастливым, его добрые глаза отражали уверенность в благополучном будущем. Не так уж он и стар, мысленно отметил Сергей, разглядывая выдающегося учёного. Высокий лоб без

единой морщинки, чуть потускневшие, но всё ещё зоркие глаза, естественная улыбка, аккуратность в каждой детали. Юрковский чуть успокоился и повернулся к Ольге. – А Федя ещё не приехал? Вы не вместе?

– Он опаздывает, Андрей Георгиевич, – со странной интонацией ответила женщина.

– Не похоже на него. Необычно, весьма и весьма, – пробубнил Юрковский. Он закрыл глаза и коснулся пальцами виска, прислушиваясь к донесениям Сети. – Так. Так-так. Кажется, что-то случилось. Он в космопорту. Ну-ка.

Один из экранов включился, настроившись на какой-то бесплатный канал. Картинка транслировала изображение с одной из телекамер космопорта: в окружении толпы на небольшом возвышении стоял Ложкин и о чём-то жарко вещал, размахивая руками. Рядом притулился робот-погрузчик с двумя толстенными сумками на горбу.

– Выступает с торжественной речью, – прокомментировал Юрковский. – Похоже, что-то случилось в космосе. Боюсь, это надолго. – Он посмотрел на Ольгу с невысказанной просьбой во взгляде.

– Я привезу его, Андрей Георгиевич.

Ольга бросила ещё один быстрый взгляд на экран, развернулась и вышла из зала.

– Ну-с, дорогой друг, присаживайтесь! – повернулся Юрковский к Сергею. – Расскажите мне о себе!..

3. Под аплодисменты

Всё смешалось и перемешалось. Как в том бородатом анекдоте – и кружит, и кружит, и кружит...

– Кто-то из вас не верит мне? А я вам говорю: будет так! И обещаю, что приложу все усилия для этого! – Ложкин жестикулировал, приняв надменно-пафосную позу. – Ещё увидите, Земля будет очищена от инопланетной нечисти!..

Толпа вокруг шумела и ликовала, хотя учёный сам не понимал, что за чушь он несёт. Он имел право не слушать самого себя. Гораздо больше его донимала сама Земля. Огромное солнце, высокая гравитация и грязный, пыльный даже не смотря на все потуги очистительных заводов воздух. Стоило посадить лайнер в порту, как сразу же учёного окружило мельтешение рекламы. Реклама была повсюду: на стенах домов, на одежде прохожих, она летала в воздухе, маячила перед глазами, стелилась под ногами и оккупировала небо.

И радость спасения окончательно была загублена этой дикой толпой, что окружила Ложкина, едва он сошёл с трапа. На Марсе ничего подобного случиться не могло, там люди умели соблюдать вежливую дистанцию. А тут чуть рубашку не порвали на своём любимце!

Вернувшись мысленно к космическим событиям, Ложкин сделал вывод, что дарки вовсе не хотели уничтожать космолёт. Вернее, они доверились воле случая. Если бы всё полу-

чилось – ну, значит, хорошо. А не получилось, так и ладно! Лайты в космическом бою потеряли четыре корабля. Дарки – только три. Они разлетелись сразу, как только появился китайский флот. Из земных кораблей ни один не погиб, хотя все суда, стартовавшие с Марса, получили разной степени повреждения. Сейчас как раз было видно, как затягивается чёрная пробоина на теле лайнера – ремонтные системы работали чётко и без сбоев.

Всё на Земле казалось ненастоящим. Толстяки уплетали пирожки с синтетическим мясом и сидели в креслах из синтетического дерева. Половина населения использовала искусственные органы. Бездушные машины разрабатывали дизайны и рисовали картины. И даже биороботы дарков имели синтетическую ДНК! Правда, их генетические андройды хоть и копировали память носителя, но теряли эту самую память всего за неделю, за две. Один такой красавец как-то чуть было не перебил участников семьдесят второй международной конференции в Цюрихе лет восемь назад. При этом, что сам он не понимал, что делает, считая, что является человеком. Впрочем, эта технология дарков устарела, люди давно придумали множество мер безопасности против таких фокусов.

Пространная речь Ложкина внезапно прервалась, когда он увидел в толпе свою первую жену. Их брак не был долгим, но сказать, что этот роман оставил учёного равнодушным, определённо нельзя.

– Оля?..

– Спускайся, – хмуро потребовала Ольга. – Юрковский уже заждался.

«Подождёт!» – хотел ответить Ложкин... но вместо этого послушно слез с возвышения и поплёлся вслед за бывшей женой. Робот-носильщик ожил и двинулся следом. Люди во круг расступались, удивлённые уходом оратора.

– Простите, друзья! Много работы! – отвечал Ложкин, пожимая кому-то руки и кивая незнакомым лицам. Его хлопали по плечам, что-то говорили дружелюбное и обнадеживающее, но учёный кивал не слушая.

У машины Ложкин обернулся и бросил взгляд на лайнер, словно хотел пожелать ему удачи. Открыв дверцу, учёный сел на переднее сиденье. Ольга уже устроилась за рулём, дожидаясь, пока носильщик закончит укладывать багаж.

Космопорт покидали так же молча. Оля вела машину сама, не доверившись автопилоту. Что ж, это её право. Если машины всё будут делать за людей, люди потеряют вкус к жизни. А от управления автомобилем нормальный человек получает больше удовольствия, чем от просмотра телевиденья или бездумного поглощения пищи.

Кстати о телевидении. Половина бесплатных каналов, транслируемых по Сети, показывала порно, прерываемое – Ложкин усмехнулся – роликами рекламы. Многообразие эфира захлестило кибермозг мгновенно, и выходить в Сеть на Земле резко расхотелось. Впрочем, один канал показы-

вал недавнюю потасовку в космосе. Демонстрировались кадры посадки лайнера, дымящегося, отпугивающего чёрными провалами пробойн, переливающегося лазурным сиянием в создаваемом вокруг корпуса обтекаемом пространстве.

Обтекаемое пространство – одно из величайших изобретений Ложкина. Оно защищало от метеоров, от перегревания в верхних слоях атмосферы и даже от оружия дарков. Правда, не всякого оружия. Дарки на однообразии вооружения не жаловались. Сами дарки, кстати, использовали нечто другое, позволяющее им летать в атмосферах на любых скоростях и не испытывать при этом неудобств, связанных с трением о воздух. Что именно – неизвестно. Но, как бы то ни было, это уже не являлось их преимуществом.

– Ты плохо выглядишь. – Ольга решила начать разговор первой.

– Большое спасибо, Оленька.

– Не паясничай. – Она нахмурилась. – Посмотри на себя. На кого ты похож? Неужели не стыдно в таком виде выступать перед людьми?! Что о тебе подумают?..

– Ой-ой, перестань. – Учёный растянул двумя пальцами зеркало заднего вида и всмотрелся в свою физиономию. Впалые покрасневшие глаза, чёрная щетина, бледная кожа. Волосы встопорщены. – Да вроде ничего так...

Он разжал пальцы, и зеркало вернуло себе первоначальную форму.

– А чем от тебя пахнет? – продолжила женщина, по-преж-

нему не глядя на бывшего мужа. Ложкин некоторое время молчал, оценивая её атаку, и наконец, произнёс:

– Метко. Беспощадно метко. Прямо в цель. Молодец, Оля, никогда в тебе не сомневался.

Теперь уже молчала она. Несомненно, Ложкин был задет за живое. Он начинал сердиться, хотя ещё недавно ему казалось, что такое невозможно. Старые забытые обиды напомнили о себе спустя два десятилетия.

– Ты права, конечно. Ничего, у меня будет время привести себя в порядок. А что насчёт тебя? Я давно тебя не видел. Ты сейчас одна?

– Нет, а что? – Она не поняла его намерений, и он продолжил допрос.

– О, так у тебя появился друг? И как же его зовут, если не секрет?

– Леонид. – Ольга не хотела отвечать, но она сама начала этот разговор. А Ложкин уже не сдерживал себя.

– Леонид, – повторил он. – «Сын льва» по-гречески. И что, он так хорош собой? Погоди-погоди, дай угадаю! Зная твои вкусы, я могу смело предположить, что он высокий, не ниже двух двадцати. Чуть моложе тебя. М-м, наверняка брюнет, волосы, наверное, длинные, стянутые в хвост. Мускулистый, стройный. Внимательный. Даже, наверное, покладистый, но голос повышать умеет. Что ещё?.. Ах да, самое главное...

– Прекрати! – Её голос дрожал, пальцы судорожно сжа-

лись на руле. – Сколько же в тебе злобы. Совсем не изменился. Эгоист. Ненавижу!..

Внезапно Ложкину стало её жалко. Он видел, что она вот-вот заплачет, и виной тому является он сам. А ведь он угадал! Интуиция – вот чем учёный всегда гордился. Он мог не видеть чего-то, но знать, как это нечто устроено, понимать самую суть. И все догадки – всегда! – попадают в цель. Станный дар, который можно использовать как во благо, так и для сведения счётов.

Ольга включила-таки автопилот и отвернулась к окну. Её плечи вздрогнули. Ложкин вдруг почувствовал острое чувство стыда. Дурак! Идиот! – корил он себя. Я не должен был лезть в её жизнь! Да, она обидела меня, и что с того? Я должен быть выше этого. Должен быть лучше. Должен...

– Оля, прости. Я опять сваял дурака, прости меня.

Она не отвечала, и на душе Фёдора стало совсем холодно и неприятно. Какое-то время они ехали молча, не глядя друг на друга. Ольга вытерла глаза салфеткой и постепенно успокоилась. Она вновь стала прежней – собранной, серьёзной, деловой. Ложкин даже залюбовался ею. О, да, она по-прежнему прекрасна. Высокая: ровно двести сантиметров рост – идеальный рост для женщины, по мнению Фёдора. Светлые волосы мягко спадали ниже плеч. Смуглая кожа, грациозная неторопливость, внимательный взгляд. Прямой носик, тонкие линии бровей, нижняя губа чуть более пухлая, чем верхняя.

И при этом чужая, недостижимо чужая! Что связывало этих двух людей, кроме воспоминаний?

– Поговорим о делах? – спросил Ложкин. Он тоже смог унять свои чувства, и теперь настраивал себя на непринуждённый лад. – Кроме шуток. Что там у Юрковского? Что он готовит? Ты, как я понимаю, в команде и должна быть в курсе дел. А кто ещё с нами?

После недолгой паузы она ответила:

– Серж.

– Как? Морж? – Перехватив её гневный взгляд, Ложкин поспешно сказал: – Ладно, всё, больше не буду. Так что за Серж такой? Откуда взялся и высокого ли полёта птица?

– Сергей Мамонтов. Очень способный молодой человек, амбициозный, умный. Он тебе понравится.

– Думаешь? – Ложкин прищурился, задумавшись о своих предчувствиях, и добавил: – Посмотрим.

***

Солнце потихоньку склонялось к горизонту, скрываясь в кронах деревьев. Ветра не было. Утомнились птицы, и парк потихонечку замирал.

Ольга и Фёдор шли молча. Шли рядом. Ложкин вытянул руку и коснулся листьев, зашелестел ветками, задумался о чём-то. У последнего поворота к институту он едва слышно прошептал:

– Только я не думал, ничего не видел, и вообще сегодня на всех забил...

– Что? – не поняла Ольга.

Учёный повернул голову к ней и остановился.

– Слушай, ты иди, я тебя догоню. Я ненадолго.

Она удивилась, но спорить не стала.

– Как скажешь. Дорогу ты знаешь, не заблудишься. Надеюсь, ты не попытаешься сбежать?..

Ложкин улыбнулся этой слабой попытке пошутить. Он кивнул.

– Не волнуйся. Обязательно попытаюсь. – Некоторое время он смотрел, как она удаляется, а затем развернулся в обратную сторону и принял серьёзный вид. Перед ним стояла Света.

– Не забыл про меня? – Она улыбнулась, эта странная девушка в чёрном, рождённая фантазией гения. Фёдор сложил руки за спиной и начал ходить кругами. Окружающий мир внезапно сузился, парк потерялся в слоях реальности, стало заметно холоднее. – Э-хей! – позвала девушка. – Большой умный человек, отзовись!

– Не вовремя ты восстала из небытия. Не вовремя. – Ложкин остановился и нервно пожевал губами. – Твоя версия насчёт телепата пока не подтвердилась.

– Только потому, что ты до сих пор не дошёл до цели. – Она кокетливо улыбалась, уличая учёного в очевидных просчётах.

– Ну да, ну да. – Он снова принялся ходить кругами, временами бросая взгляд на свою необычную собеседницу. – Кто же ты такая?

– Попробуешь догадаться сам? Я знаю, у тебя это хорошо получается.

Она издевалась! Нет, ну так же нельзя!

– В одном абсолютно уверен – ты точно не моя совесть. – Он посмотрел на неё с непроницаемой серьёзностью во взгляде, но Света вдруг рассмеялась.

– Молодец! Тут ты прав! Считаю, что я твоя интуиция. И я буду иногда подсказывать тебе, если ты опять потеряешь уверенность в силе собственной логики.

– А разве я в чём-то сомневаюсь сейчас? – Он задумчиво поглядел себе под ноги. – Впрочем, да, пожалуй. И что же привело тебя на этот раз?

– Я любопытна, – сказала девушка. Она склонила голову к плечу, её глаза выражали милое простодушие.

– Хочешь посмотреть лабораторию? – догадался Ложкин.

– Ахах!

– Тогда пошли, – просто сказал он. Света посмотрела на него настолько чувственно, что учёный застенчиво отвёл взгляд. Однако пройти им не дали. На ступенях перед входом стоял высокий парень с непроницаемым лицом, блондин, в белой рубашке и белых брюках. На Ложкина он посмотрел лишь мимолётно, зато надолго задержал взгляд на Свете.

– Ты не проникнешь сюда. – Абсолютно бесчувственный голос ударил по ушам. Ложкин вжал голову в плечи, Света попятилась. Человек в белом повернулся к учёному и уже тише добавил: – Вам лучше поторопиться. Вас ждут.

– О-хо-хо...

Сомнения учёного длились мгновения. Он быстро вбежал по ступеням, бросил последний взгляд на Свету и вошёл в здание. Некоторое время его не отпускало чувство тревоги. Он ускорил шаг, заторопился, но ощущение опасности преследовало его неотступно.

– Фёдор Борисович! – окликнул учёного старый толстенький профессор, и Ложкин вздрогнул.

– А, Фёдор Петрович, добрый вечер. – Он пожал протянутую руку.

– Вы надолго к нам? – поинтересовался тёзка.

– Не думаю. – Ложкин дружески похлопал профессора по плечу. – Но я к вам заскочу. Обязательно. Сыграем в шахматы, у меня давненько не было достойных противников.

– В любое время, Фёдор Борисович! Удачи вам!

Ложкин кивнул и направился дальше. Какие-то ребята в военной форме во все глаза таращились на него, словно увидели живого бога. Учёный прошёл мимо с отстранённым видом. И только на лестнице остановился, обнаружив, что остался совершенно один. Ладони дрожали от внутреннего напряжения, и Фёдор с силой вцепился в перила. Рядом словно из морока материализовался молодой мужчина в бе-

ЛОМ.

– Света, как я понимаю, не придёт? – задал ему риторический вопрос Ложкин.

– Вы больше не должны разговаривать с ней, – без тени эмоций ответил мужчина.

– Вот как? Это угроза? – Ложкин нахмурился, но его собеседник молчал. – Вот же, свалились на мою голову! Некстати, очень некстати! У меня не самое сильное сердце, чёрт возьми. Но я не боюсь, глупо бояться себя...

– Вас ждут, – напомнил мужчина.

– Ага. Да. Помню. – Фёдор выпрямился, поправил причёску и уже спокойно взглянул на собеседника снизу вверх. – Сейчас ты исчезнешь, понял меня? Не хочу тебя видеть, ты будешь только мешать мне. Хотя, подозреваю, что ты ещё явишься. Хм. Видок у тебя, конечно, дурацкий. Имя тебе нужно подходящее. Руслан! О, как! Согласен?

«Руслан» молчал, безучастно глядя на учёного. Ложкин поймал себя на мысли, что в сравнении со Светой его новый компаньон совершенно неэмоционален. Светка вообще вела себя открыто, нагло, кокетливо. Было в ней что-то пошрое, но привлекательное, хе. А этот стоит чурбаном. Безжизненный, стерильный. Робот.

– Всё, проваливай, – рассердился Ложкин, и Руслан растворился в воздухе. – Фантомы, фантомы, – проворчал учёный, поднимаясь по лестнице. Он вдруг начал злиться, и его негодование перекинулось на первых людей, кого он увидел:

на третьем этаже у кабинки горизонтального лифта стояли Ольга и её друг.

– Прохлаждаетесь, – грубо сказал им Ложкин. – А это, я так полагаю, сын льва? Вот он какой. Как я себе и представлял.

Леонид нахмурился – ему не нравилось, когда с ним говорили в таком тоне. К такому он точно не привык. И, посмотрев с вызовом в глаза учёного, он не протянул руку для рукопожатия. Того же не сделал и Ложкин.

– Поехали, Оля, – сказал Фёдор, хотя он совершенно не нуждался в её присутствии. Ему просто вдруг захотелось разлучить эту парочку, пусть ненадолго. Его бывшая жена смотрела на него с неодобрением, но уловив женским чутьём его настрой, не стала возражать.

– Увидимся вечером, – сказала она Леониду и вместе с Ложкиным вошла в кабину лифта. Двери сошлись, и без рывка, без перегрузок и ощутимых ускорений кабинка понеслась по длинной стеклянной трубе. Парк внизу потемнел и погрузился и угрожающий сумрак. Учёный нетерпеливо притоптывал ногой, сложив руки на груди. Ольга смотрела куда-то в сторону, думая о чём-то своём.

Со всех сторон сомкнулась темнота, когда кабинка достигла второго здания. Двери распахнулись, открывая путь в полутёмный коридор со стальными дверями. Фёдор не чувствовал, но знал, что в этот момент его сканируют охранные механизмы, которым была отдана половина простран-

ства дома. Любого незваного гостя, легкомысленно проникшего сюда, проводили бы вежливым броском по воздушной трубе в обратную сторону. Если же эта мера не помогает, в ход пойдёт боевая техника. Категория секретности «М» – здесь всё серьёзно.

Постепенно успокоившись, Ложкин наскоро привёл мысли в порядок и запустил по новой песенку, которую нашёл несколько дней назад в Сети. Вообще, интересных песенок было много, но эта чем-то особенно зацепила его. Он стал её слушать раз за разом, повторял, как в бреду, пока летел в космолёте, вспоминал в машине, когда ехали с Ольгой. И после миллионного, наверное, раза он выучил её наизусть. Каждый аккорд, каждую интонацию голоса. До такой степени, что самому стало противно.

Кто-то кем-то не услышан вовсе,
Ну а кто-то кого-то просто не сберёг.
Кто-то думал, что сегодня в гости
Попадёт, а он попал просто в морг.

Только я не думал, ничего не видел,
И вообще сегодня на всех забил!
Я уткнулся тупо в телевизор
И смотрел его из последних сил!¹

Песня витала в сознании параллельно мыслям и совер-

---

¹ Песня «Телевизор» группы «La Odica».

шенно не мешала анализировать ситуацию. Уж с чем с чем, а с потоком мыслей Ложкин умел обращаться как никто другой! Юрковский уже ждал его, присев на краешек лабораторного стола. Когда вошли Ложкин с Ольгой, старик вскочил и быстрыми шагами преодолел пространство зала. Не было заметно ни недовольства, ни упрёка – только радость по поводу новой встречи.

– Федя! Вот и ты, совсем не изменился!

– Здравствуй, Андрюша! Рад видеть тебя, так сказать, вочию.

Они обнялись как старые друзья.

– Доехал без проблем, надеюсь? Я слышал, что-то там случилось такое неприятное в космосе. Власти как всегда умалчивают подробности.

– Всё отлично, как видишь. Я здесь, и слава богу! – верно заметил Ложкин, хитро улыбнувшись.

В зале сидел ещё один человек – Фёдор нарочно не обратил на него внимания. Сергей Мамонтов поднялся, обнаружив немалый рост, и медленно подошёл к своим знаменитым коллегам. По его усталым глазам Ложкин понял, что парень даже не посетил своих новых апартаментов, расположенных, кстати, в этом же здании. Юрковский любил поболтать, а прервать разговор паренёк просто постеснялся. Он протянул ладонь Ложкину, робко улыбаясь и словно смущаясь, что ему приходится смотреть сверху вниз.

– Это Сергей Мамонтов, познакомься, – представила его

Ольга. – Для друзей просто Серж.

Сказано это было как будто непринуждённо. Но на самом деле она волновалась, и Фёдор знал это. Он перевёл взгляд на неё, и улыбка исчезла с его лица. Затем он посмотрел на Сергея, и надменно прищурился, оценивая эффект.

– Вижу, – коротко сказал он, бросив полного презрения взгляд на протянутую ладонь. Сергей стоял, покрасневшись, и убирать руку не собирался. Он сразу заметил, что почему-то не понравился Ложкину, но понять этого не мог.

Кто-то управлял ракетой,
Кто-то просто телефон чинил.
Кто-то жарил для людей котлеты,
И отчаянно он их перчил.

Немая сцена продолжалась непозволительно долго. Это глупо! – промелькнуло в голове молодого учёного. Он всё ещё ждал, что Ложкин пожмёт ему руку. И что это за, прости господи, котлеты?! Причём тут котлеты?! Как можно думать в такой момент о каких-то котлетах?!

Только я не думал, ничего не видел,
И вообще сегодня на всех забил!
Я уткнулся тупо в телевизор
И смотрел его из последних сил!

У Сергея ум заходил за разум. Он пытался понять, чем

вызвана эта внезапная неприязнь со стороны Ложкина. Пытался осторожно проникнуть в его разум. А в мыслях у того – телевизор, котлеты и ракеты! Что-то очень странное!

Фёдор победно ухмыльнулся, и Сергей вдруг с ужасом понял: ОН ЗНАЕТ!!! Мамонтов считал, что никто и никогда не приобщится к его самой главной, самой заветной тайне. Никто никогда не узнает, иначе он рискует стать изгоем.

Ложкин знал. Откуда-то знал. Именно знал. Не догадывался, а знал, знал, знал!!! Чёрт!

Фёдор чувствовал, что незадачливый телепат полностью в его власти. Теперь ты в моих руках, парень! И будешь тише воды, ниже травы. Будешь покорным. Теперь – только так.

– Ну что ж! – Ложкин шагнул в сторону и огляделся как ни в чём не бывало. – Показывайте, где у вас тут эта ваша пушка! Очень хочу взглянуть.

– Сейчас, Федя. Пойдём, – поманил его Юрковский. Ложкин направился следом, бросив через плечо:

– Оленька, будь любезна, распорядись насчёт моих вещичек. Пусть доставят сюда.

– Хорошо, – ответила женщина, скрывая растерянность. Сумки и чемодан Ложкина остались в машине на стоянке, но Ольгу больше волновало в этот момент, почему Ложкин так холодно отнёсся к Сергею. Даже холоднее, чем к Леониду. Странно. Или он ревнует? Да нет, это же смешно. Тогда в чём же дело?..

Её размышления не укрылись от Мамонтова, но он ничем

не выдал своего беспокойства. Развернувшись, он поспешил за скрывшимися в следующем зале учёными.

Ложкин и Юрковский разглядывали нечто массивное, лежащее на широком столе. Больше всего пушка дарков походила на... нераскрывшуюся почку растения, только весом полтонны и двухметровой длины. Зелёные волокнистые ткани из прочного упругого вещества накладывались одна на другую. У основания волокна соединялись под бурой бугристой коркой. С одной стороны аппарат был покрыт гарью, видны были царапины и трещины.

– Где тут у тебя данные первичного исследования? – спросил Фёдор, с лёгким воодушевлением глядя на необычное оружие. Юрковский кивнул на экран у него за спиной. Несколько минут прошли в тишине: Сергей задумчиво смотрел на пушку, Юрковский глядел в пол, поглаживая шею, Ложкин изучал данные.

– Что скажешь? – спросил, наконец, Андрей Георгиевич.

– Всё отлично! – поведал Ложкин. – Даже более того, всё просто превосходно! Я эту штуку вскрою, это не трудно. А затем... – он сделал эффектную паузу, – мы воссоздадим и усовершенствуем это устройство!

– Интересно, как? – В голосе Юрковского не было недоверия, только искренний интерес. Фёдор улыбнулся.

– Как построить высокий минарет? – задал он вдруг вопрос.

– Выкопать глубокий колодец и вывернуть его наизнан-

ку! – весело ответил Юрковский. Сергей вдруг понял, что эти двое вспомнили только что какой-то случай из своего далёкого прошлого. Та уверенность и тот оптимизм, с которыми разговаривали двое учёных, наводили на мысль, что у них уже давно созрел план действий. И, видимо, Юрковский сообразил что-то первым, а Ложкин угадал ход его мыслей. Так или иначе, коллеги принялись за работу с непреклонной верой в собственный успех.

Действовать Ложкин начал тут же. Схватив попавшуюся под руку тряпочку, он осторожно протёр чуть приплюснутый корпус оружия, рассмотрел его с разных сторон, прикоснулся, прислушался, даже лизнул. При этом повторяя: «Интересно, очень интересно». Он взялся за кривой нож и вознамерился вскрыть несколько верхних слоёв.

– Вручную?! – удивился Юрковский.

– Подержи-ка вот здесь! – велел ему Ложкин, ткнув куда-то остриём.

– А не взорвётся? – осторожно спросил Сергей, наблюдая за операцией со стороны.

– Не бойся, ассистент, не рванёт. Иди-ка ты тоже сюда. Вот с этой стороны хватайся, да. Эту коричневую не трогать, понял?

Работа закипела. Поначалу медленно, осторожно, затем всё увереннее Ложкин разогнул несколько листов обшивки, временами задумчиво замирая и ощупывая пальцами снятый материал. В помещение вошла Ольга и хотела сообщить,

что вещи доставлены на жилой этаж, но Ложкин тут же взял её в оборот.

– Оленька, быстро на пульт управления! – приказал он. – Мне нужны экраны. Сканируй во всех диапазонах. – Он распорядился людьми как царь, и вообще чувствовал себя в лаборатории хозяином. – Видите эту структуру? – Учёный показал на светлые крапинки в тонкой оболочке кожуха. – Эта штука сложнее, чем я думал. Оля, ты записываешь?

Лоб учёного взмок, тонкий язык лежал на уголке губ.

– Главное теперь не переусердствовать. – Ложкин добрался до чёрного нутра и осторожно коснулся переплетения гибких упругих трубок. – Внимание! Сейчас я пропущу через стартовый механизм ток!

Все испуганно посмотрели на Ложкина, но он был уверен в себе.

– Выстрела не будет, – поспешил он успокоить коллег. – Мне нужно всего лишь несколько миллисекунд, чтобы продублировать систему контроля. Оля – приборы! Андрюша, долбанёшь меня стулом, если меня замкнёт.

– Как скажешь, Федя, – растерялся Юрковский. Он доверял интуиции Ложкина, но взвешивая технологию всё равно наводила на него трепет. По той простой причине, что он не знал, чего от неё можно ждать.

Опыт продолжался недолго, и, как и ожидалось, прошёл успешно. Ложкин ликовал.

– Ну что там, Оленька? – горел он нетерпением. Ольга по-

качала головой.

– Огромная мощь. Если эта штука раскроется, институту конец.

– Не раскроется, – пообещал учёный. Он подумал, что это оружие, особенно усовершенствованный образец, может наделать много бед в нехороших руках. Людям всегда не терпится испытать свои возможности, даже если повода к их использованию нет. Люди... Эти глупые и наивные создания, собирающиеся в безмозглую толпу по любому шуму.

– Думаешь о последствиях? – угадал ход его мыслей Юрковский. – Ты много пообещал тем людям в космопорту. Не жалеешь?

Ложкин осторожно прикрыл сердцевину оружия одним слоем зелёного волокна, тяжело вздохнул, вытер лоб и устало прислонился к стене.

– Эйнштейн как-то написал: «Слава делает меня всё глупее и глупее, что, впрочем, вполне обычно. Существует громадный разрыв между тем, что человек собою представляет, и тем, что другие думают о нём или, по крайней мере, говорят вслух. Но всё это нужно принимать беззлобно».

Юрковский с пониманием кивнул, но вдруг возразил:

– Мне больше импонируют другие его слова. Послушай. – Он закрыл глаза и слегка склонил голову: он не умел, как Ложкин, одновременно обращаться к памяти кибермозга и поддерживать разговор с собеседником. – «Идеалами, освещавшими мой путь и сообщившими мне смелость и му-

жество, были добро, красота и истина. Без чувства солидарности с теми, кто разделяет мои убеждения, без преследования вечно неуловимого объективного в искусстве и науке жизнь показалась бы мне абсолютно пустой». – Юрковский открыл глаза. – Жизнь, Федя. Жизнь людей – ничего не может быть важнее! И только в доброте – истинное величие. Я в это верю. – Он бросил взгляд на оружие дарков. – И если эту вещь люди повернут против людей же, то...

– Ты прав, – признал Ложкин. – Ты во всём прав. Только вот люди всегда воевали друг с другом. И сейчас они воюют друг с другом. И будут, чёрт возьми, воевать друг с другом! Это неизбежно. Да, сейчас мы можем говорить о мире. О желанном и, думаю, вполне достижимом мире. Но жизнь непостоянна. И сколько ни борись с неизбежностью, время всё вернёт на места. Всё течёт, всё меняется, как сказал один древний грек, не помню фамилии...

– Гераклит из Эфеса, – напомнил вдруг Сергей. Оба учёных посмотрели на него, и у обоих, к удивлению Сергея, на лицах читалось недовольство. Ещё можно было понять раздражение Ложкина, но Юрковский!.. Ему-то чем не угодил ответ юноши?!

Фёдор отделился от стены и громко сказал:

– Так, друзья мои. Час уже поздний, так что давайте на сегодня работу закончим. Эту штуковину под замок. Все по комнатам, все спать, завтра вы все мне понадобится свежими, бодрыми и полными сил. Андрюша, я искренне рад

снова работать с тобой. Оля, моё почтение.

Не глядя на Сергея, он торопливо вышел из лаборатории.

– И правда, засиделись мы, – произнёс Юрковский, виновато разводя руками.

***

День получился насыщенным. С утра, едва поднявшись, тут же пришлось вступать в бой с дарками. По прибытии на Землю Ложкина ждала встреча с Ольгой и ожившие воспоминания. Уже вечером прямо с порога учёный взялся за изучение странного оружия пришельцев, и так увлёкся, что провозился до самой темноты. Ещё многое предстояло сделать, не терпелось продолжить работу. Приступить непосредственно к созданию опытного образца нового вида оружия. Но... надо сохранить силы.

Из отведённой ему комнаты открывался вид на тёмный парк: вид скучный, однообразный, даже жутковатый. Ветки деревьев бились на ветру в стёкла. Слышались странные шумы и звуки. В свете внешних фонарей возникали причудливые тени.

Учёный не любил лишнего шума, и потому вышел в коридор. По одну сторону были двери жилых комнат, по другую – широкие окна. Тут же зажётся свет, и за окнами трудно стало что-либо разглядеть. Поэтому Ложкин мысленно обратился к управляющей системе, попросив убрать свет. И через миг

снова оказался в темноте.

Окна выглядывали на аэродромчик и технические здания. Внизу невдалеке рядом с большим погрузчиком возилось несколько человек в оранжевых комбинезонах. Мусорщики! – догадался Ложкин. Занятно, что с мусором до сих пор приходилось возиться людям, машины присутствовали только за компанию. Мужички в комбинезонах подхватили какие-то продолговатые синие мешки и потащили к тёмному приземистому зданию. Они повторяли процедуру снова и снова – институт «производил» много мусора.

Мусор, грязь, пыль. Земля теперь стала непривлекательным местом. Дышалось здесь тяжело для привыкшего к чистой марсианской атмосфере учёного. И виноваты в том, конечно же, дарки. Их страшные орудия ударили *сквозь* земную кору, вызвав ускорение конвективных процессов в магме, что в свою очередь привело к смещению литосферных плит, возникновению гигантских разломов, повышенной вулканической активности, колебанию уровня океана и прочим безобразиям. Система контроля климата, изобретённая ещё в двадцать первом веке, смогла лишь сдержать могучие толщи возникших облаков. Система спасла для людей солнце, но большего от неё ждать было нельзя. Всё человеческое могущество пасовало перед взбунтовавшейся стихией. И только вмешательство лайтов позволило остановить разрушения.

Жизни в океане почти не осталось. Биосфера планеты ис-

пытывала настоящий шок. Многочисленные экологические и биологические ниши опустели, человечество едва смогло приспособиться к новым условиям. Микрочастицы пепла витали в воздухе. Катастрофически сократились запасы пресной воды. Планета восстанавливалась, но такими темпами, что восстановления всех экосистем можно было бы ожидать где-нибудь через пятьсот тысяч лет, не раньше.

И, что странно, такое происходило только на Земле. Марсианские и венерианские города не интересовали дарков: на этих планетах пришельцы ограничились только наблюдением. Даже те четыре чёрные сферы, что стартовали за космолайнером трое суток назад, являлись по сути дарк-игнорами: они не вступали в бой, а только наблюдали. Конечно, если потревожить дарк-игнор, он даст отпор. Но капитаны кораблей давно поняли, что на рожон лучше не лезть, особенно когда исход боя непредсказуем. Высказывались, конечно, версии, что дарк-игноры являются своего рода командными центрами или центрами координации и связи. Но раз они в бою не участвуют, их присутствие можно терпеть.

Знакомый мир изменился, но человечество не упало духом. Да, новую карту Земли уже сложно узнать. Южная Америка больше не соединялась с Северной узким перешейком: между ними образовалась группа островов, омываемых быстрыми течениями. Гольфстрим выпрямился, отодвинувшись от восточного побережья США, зато стал заметно горячее, на двенадцать градусов, что несколько компенсировало

последствия климатической катастрофы. Лишившись клочка суши на юге, Северная Америка обрела новую территорию в другой стороне, где Аляска срослась с Россией. Индия «вернула» себе Шри-Ланку, чему несказанно обрадовалась: всплывшая земля оказалась богата алмазами. Временами заливаемый океанской водой «мост» возник между Австралией и Азией. Япония сторела в огне и была похоронена под облаками вулканического пепла.

Вулканы, как известно, всегда доставляли неудобство людям. Их нельзя недооценивать. Достаточно вспомнить несколько примеров. Вулкан Тоба на Суматре семьдесят тысяч лет назад чуть не истребил всё человечество, и чёрные облака, разразившиеся сернистыми дождями, на шесть лет скрыли солнце. Взрыв Кракатау в девятнадцатом веке унёс сорок тысяч жизней, уничтожив целый остров, а взрывная волна несколько раз обошла земной шар. Извержение вулкана Уайнапутина в далёком-далёком Перу вызвало сильнейший голод в другом конце света – в России. Смутное время, неурожай, Борис Годунов раздавал потерявшие цену деньги из казны, процветали спекулянты и торговцы зерном. Из-за высокой смертности началась эпидемия холеры. Голодные, измученные, потерявшие веру в завтрашний день люди ели всё, что попадалось под руку. В том числе и других людей. Как итог за несколько лет погибли три миллиона человек.

И вот в середине двадцать второго века появляются дарки, и все прочие катастрофы тут же меркнут по сравнению

с тем кошмаром, который пришельцы приготовили для человечества. Их удар по мантии планеты был не так уж силён: они, разумеется, хотели сохранить Землю для своих нужд. Но Земля требовалась им пустой! Двести вулканов рванули почти одновременно, и если бы не лайты... Можно не продолжать, и так всё понятно.

Люди, впрочем, без дела тоже не сидели. Сам Ложкин участвовал в нескольких сражениях, и его сегодняшние подвиги авантюрными не являлись: кое-какой опыт таки имелся. Он воочию видел, как раскололась надвое Шотландия. О несчастном чудовище озера Лох-Несс можно теперь не вспоминать, ведь и озера такого больше нет. Кстати, собрат Несси, существо по прозвищу Скримсл, по легендам обитало в озёрах Исландии. Человек принёс огромный вред этому острову, заселив его, однако гораздо больший вред, конечно, нанесли ему дарки. В семьдесят четвёртом году Ложкин участвовал в Битве над Исландией и сам стал свидетелем, как остров буквально разорвало пополам от чудовищного подземного взрыва. Весь Срединно-Атлантический хребет словно взбух и затрещал, но прорыв произошёл именно в Исландии. Мифическим существам, мягко говоря, не повезло. Людей же, стоит надеяться, ждёт более радостная участь.

Теперь, когда Ложкин здесь, когда новое оружие у него в руках, когда работа сдвинулась с мёртвой точки – теперь берегитесь, дарки! Я вам покажу! – злорадно подумал учё-

ный. Я вас всех драть буду! Да так, что мало не покажется! За Россию! За Японию! За Центральную, так её, Америку! За Землю, мать нашу! Сотру! Раздавлю! По всей галактике разметаю! Чернушки недоделанные!

...Грузчики закончили укладывать мусорные мешки и, о чём-то беседуя, отправились маленькой группкой к автостоянке. Искусственный свет вырывал из темноты опустевшее пространство. Завывал за окнами ветер. Ложкин поёжился и вернулся к себе.

Сумки так и остались не распакованными. Одеяло на кровати отброшено, подушки чуть примяты. На столе лежал свёрнутый газетный лист, из которого торчал уголок бутерброда с котлетой. Котлета была холодной, надкушенной.

– И синтетической, – с тоской сказал Ложкин, усаживаясь на кровать.

4. Сплетенье троп

Ложкин сумел всех заразить своим энтузиазмом, своей неистовой одержимостью к работе. Уже на второй день он полностью разобрал и собрал оружие дарков и сделал первый запрос институту – доставить материалы и оборудование для создания опытного образца. Юрковский выдвинул несколько принципиально новых гипотез, обещающих стать настоящим переворотом в физике. Ольга занималась технической стороной дела. На Сергея упало бремя расчётов.

Как-то он случайно подслушал разговор Ложкина и Юрковского, беседовавших в соседнем помещении.

– Надо же было ляпнуть! – негодовал Ложкин.

– Он ещё очень молод, Федя, – заметил ему Андрей Георгиевич. Они сидели за столом и пили чай.

– Гераклит из Эфеса! Ну кто его просил?! – Ложкин отчего-то очень переживал из-за того напоминания, и Сергей вскоре понял, почему. – Знаешь, я думаю, что нынешние поколения вырождаются. Как бы сказать поточнее, они теряют нечто в умственном плане. Вот есть у человека сомнения, есть вопрос. Что он делает? Обращается к Сети! И получает сразу свой ответ. Как вот этот твой Серж. Гераклит из Эфеса, как же! Он и не слышал, наверняка, о таком! Знаешь, Андрюша, по-моему, Сеть лишает человека цепкости ума. Лишает возможности поиска. Желания поиска! А какой из че-

ловека учёный, если в нём нет любознательской хватки?

– По-моему, ты усложняешь, – не согласился с ним старый учёный. – Поиск в Сети – тоже поиск.

– Да брось! И вообще, что за слово такое дурацкое – Сеть? Вот сразу же как-то придумали: Сеть, паутина. А почему? Потому что все мы связаны ею? Но никто, задав паутине вопрос, не получит ответ. – Ложкин говорил с увлечением, но отчётливо чувствовалось, что он уже успокоился, и разговор переходит на несерьёзный лад. – Надо какое-то более удачное слово. Впрочем, ты знаешь, вопрос поиска нынче актуален как никогда. Технический прогресс выходит за рамки осознания одного человека. Я, например, не могу понять, как приготовить суп, чем кормить собак или каким образом устроены биоимпланты. Понимаешь, к чему я веду?

– Век специалистов, – сказал Юрковский.

– Восхищён! – уважительно протянул Ложкин. – Да, ты меня понимаешь. Наука развивается, стало больше отраслей, стало больше узких специалистов. И, я думаю, что это тупик, Андрюша. Исчезли настоящие учёные, такие, которые действовали бы сразу во многих сферах науки. Конечно, изобретения и открытия случаются и сейчас, но слишком мелкие, слишком огородные. Но я надеюсь, что появится, возможно, новый тип людей, подготовленный к усложнению нашего мира. Новые учёные. Не меньшей величины, чем Аристотель, Ньютон, Эйнштейн! Такие учёные, как мы. Мало нас таких универсалов – только ты да я.

– И ещё Стёпа Павленко, – вернул Ложкина с небес на землю Андрей Георгиевич. Ложкин ухмыльнулся, оценив внезапную колкость поправки.

– Скажу тебе по секрету, – Фёдор заговорил тише, – меня сводит с ума связь! Но не времён и поколений, а эта проклятая мгновенная связь! Как?! Чёрт возьми, я не понимаю! И эта его таинственная телепортационная установка. Ты что-нибудь знаешь?

– Кое-что мне Стёпа рассказывал, – уклончиво ответил старик.

– Что? – Ложкин нетерпеливо вскочил.

– Ну, я не знаю подробностей. Так, мелочи. – Юрковский темнил, но Ложкин ждал от него объяснений. – В общем, там какая-то установка, исповедующая принцип дополнительности Бора. В системе три основных звена: инфра-корпускулярный резонатор и два когерентных тахионных осциллятора. Что-то там с какими-то новыми частицами, что-то про корпускулярно-волновой дуализм, я толком и не знаю...

– Погоди-погоди! – Ложкин уселся обратно и начал тарбанить пальцами по столу. – Неужели Павленко играет со временем? Ты это хочешь сказать? Клянусь Циолковским, это опасно! Ведь доиграется же, стервец!

– Ты думаешь? А мне хочется верить в его успех.

– Я нисколько не сомневаюсь в его компетенции... Вот! Слушай! Теперь мы просто обязаны его обогнать! Наша установка должна появиться раньше, чем его! – Ложкина

не смущала разность областей работы, ему вдруг просто стало интересно соперничество со старым конкурентом. Юрковский понял, что это может навредить работе, и нанёс внезапный удар, иначе и не скажешь.

– Кстати, Федя, а как там поживает майор Груздев?

– Кто? – не понял Ложкин.

– Ну, Роман Петрович.

– А, Рома. – Ложкин моментально сник. – Да нормально поживает.

Сергей не понял, какое влияние оказал этот простой вопрос, но мгновенно уловил перемену. Мысли Ложкина по-прежнему оставались для него недоступными, но вот Юрковский... Он мыслил какими-то образами, довольно смутными, но словно бы выдернутыми из прошлого. Словно бы есть некий план, продуманный, осторожный, и Юрковский этого плана неукоснительно придерживается. В этом странном и пока неясном плане задействованы и Ложкин, и... Сергей. Андрей Георгиевич моментально сменил тему разговора и больше в мыслях к своему плану не возвращался.

Но стало ясно, что этот старик вовсе не так прост, как пытается казаться. Сергей вернулся к расчётам.

***

Третий день был полностью посвящён исследованиям и экспериментам. Проверялись гипотезы Юрковского, стро-

ились первые элементы будущего оружия. Ложкин по-прежнему избегал называть Сергея по имени.

– Эй, ассистент! Подойди-ка. Следи за экраном, если до восьмидесяти дойдёт, сбрасывай до жёлтой отметки. Понял? Работай.

Сергей молча покорялся, сдерживая раздражение. Он снова и снова пытался пробиться за мыслешлок Ложкина, но слышал одно и то же...

Кто-то кушал самогон из горла,
Кто-то думал, как бы развязать войну!
Кто-то красил ногти, кто-то пачкал вёдра,
Кто-то просто жил в каком-нибудь краю!

Ложкин временами начинал ухмыляться, словно знал о неудачах Сергея. Мамонтов продолжал работать, стиснув кулаки.

Их безмолвную борьбу сознаний прервало появление Юрковского. В руках тот нёс небольшую картонную коробочку, украшенную красной лентой.

– Что это? – заинтересовался Ложкин.

– Послание от прадедушки получил. Подарок и письмо. – Старик выглядел счастливым: он всегда радовался весточкам от своей большой семьи. – Пишет, что у него недавно стало одним внуком больше.

– То есть, ты обзавёлся ещё одним дядей? – усмехнулся Фёдор. У него самого не было семьи. Все родные погибли

в какой-то катастрофе, насколько знал Сергей. А вот у Юрковского полно родственников. Прадеду недавно стукнуло сто десять лет – возраст, конечно, далеко не предельный. Всё-таки не каменный век на дворе, люди и до полутора, и до двухсот лет доживают.

Сергей попытался воспользоваться заминкой и проникнуть в сознание Ложкина. Знаменитый учёный думал интенсивно, сразу несколькими параллельными потоками, совмещая интересное с полезным. Он одновременно совершал какие-то подсчёты, строил планы, вертел в голове объёмные чертежи, слушал Юрковского, вспоминал о семье...

И над всеми этими потоками мыслей гремела дьявольская песня, заглушая всё остальное.

Только я не думал, ничего не видел,
И вообще сегодня на всех забил!
Я уткнулся тупо в телевизор
И смотрел его из последних сил!

Ложкин не ослаблял хватку ни на секунду. Сергей отвернулся, признавая своё полное поражение.

***

Четвёртый день ознаменовал собой историческое событие: начало сборки земного эквивалента оружия дарков.

В дальнем помещении лаборатории рядом с первым столом, где покоилось грозное оружие, появился второй. На нём-то и началась сборка под чутким руководством Ложкина.

Сергей, позабыв про обиды, работал с воодушевлением. Он так же проникся уверенностью, что новое оружие способствует перелому в войне с дарками. Он вспомнил отрывочек из одного романа старинного писателя Снегова: «Но мы узнали, как высоко достигнутое иными существами могущество, как огромны добро и несправедливость, схватившиеся между собою в галактической схватке, и как неизбежно всё это заставляет человека, лишь вступившего на звездный путь, втягиваться в не им начатые споры, ибо, кроме него, некому их решать окончательно»². Как это точно! Идеально подходило к нынешней ситуации, где человечество оказалось ввязанным в жесточайшее противостояние лайтов и дарков. Но человечество пока не равно этим расам по могуществу, и именно это пытались сейчас исправить Ложкин с Юрковским.

– Где расчёты? – Ложкин нетерпеливо топал ногой, выжидательно глядя на Сергея. Подхватив распечатки, юноша поспешно вложил их в руку Фёдора. Тот немедленно принялся их изучать, временами говоря: «Так. Интересно». Минутой позже он поднял голову: – А это что?..

– Я позволил себе упростить... усовершенствовать систему, – взволнованно промямлил Сергей, даже не представляя,

---

² Сергей Снегов, «Люди как боги».

как Ложкин реагирует на его инициативу.

Ложкин вновь взглянул на расчёты и вдруг улыбнулся.

– Блестяще, ассистент! Просто блестяще! Юрковский был прав, у тебя светлая голова! Пойдём-ка со мной, посмотрим, что ещё можно упростить... Андрей! Слышишь? Давай с нами!

Втроём они потратили на расчёт новой схемы примерно час. Иные бы возились месяцами, но знаний и навыков этих троих с лихвой хватало для быстрого решения любой проблемы. За этот час им удалось повысить в два с половиной раза мощность установки, при этом почти не увеличивая её массу.

– Блестяще! – повторял Ложкин. Его переполняло вдохновение, всё ему сегодня давалось легко. Он вывел из своего кибермозга голограмму опытного образца оружия и показал своим коллегам. – Вот, друзья, посмотрите! Так это будет выглядеть! А назову я наше детище – «Стэн».

– С нами посоветоваться не хочешь? – улыбнулся ему Юрковский.

– Не хочу, – упрямо заявил Ложкин. – Без меня вы бы этот орешек ещё год пытались раскусить. А теперь, господа хорошие, прошу оставить меня одного. И Ольгу тоже гоните. И до обеда не возвращайтесь, ясно? Всё!

Сергей покидал лабораторию со смешанным чувством обиды и обделённости. Ему тоже показалось несправедливым, что Ложкин сам решил дать название их общему про-

екту. Но в чём-то Ложкин всё-таки прав: без него нельзя было и мечтать о таких темпах работы. Он заставлял трудиться всех с утра и до вечера, и сам пахал за десятерых. Он постоянно подгонял своих коллег, и те работали с интересом, всех охватило общее воодушевление. И только сейчас, когда трое выдворенных из собственной же лаборатории учёных уселись в столовой на втором этаже главного здания института, все вдруг почувствовали безмерную усталость и желание просто посидеть несколько часов и отвлечься на что-нибудь, не касающееся работы.

Столовая была почти пуста. Только где-то в уголке спал, навалившись на стол, какой-то бледный мужчина, временами укладывая голову то на правое ухо, то на левое. Ольга прошла к автоматам и заказала обильный завтрак на троих. Пока её не было, Сергей заговорил с Юрковским.

– Андрей Георгиевич, я считаю, что рано начинать сборку оружия. Данные исследований предварительные, нужны новые эксперименты. К чему такая спешка?

– Знаете, друг мой, за долгие годы знакомства с Ложкиным я понял одну важную вещь: Ложкин никогда не ошибается, когда речь касается науки. Сотрудничать с ним, значит присутствовать при работе ума запредельной силы. Это не значит, конечно, что он непогрешим. Но я ему верю. Если он думает, что пришло время сборки, то лучше ему не мешать. В конце концов, мы всегда можем разобрать образец, внести изменения и собрать заново, верно? – Старик отки-

нулся на спинку стула и со скукой посмотрел в потолок. – Серж, вы когда-нибудь задумывались о предназначении разума?

Вопрос застал Сергея врасплох, и он промолчал, не зная, что сказать.

– А вот Ложкин считает, что разум – это высшая форма порядка. Это величина, в которой стремится выразиться жизнь. Разум, по его мнению, оправдывает любые действия, любые цели, если это способствует практической стороне дела. – Юрковский вздохнул и выпрямился, сложив руки на столе. – Но знаете, Серж, он забывает о том, что разум лишь орудие в руках человека. Разум должен быть полезен, иначе... Ну вот зачем человеку разум, если он не может и не знает, как его применить? А я считаю, что разум должен служить добру. Даже не так: разум – это и есть способность распознавать добро. Всё, что от злого – неразумно. – Старик улыбнулся, глянув на юношу. – Вижу, вы со мной не согласны. Это ваше право. Но задумайтесь об этом, когда вам будет столько же лет, сколько мне.

Завтракали в тишине. Сергей закончил первым, и, поднявшись из-за стола, попытался сообразить, что же ему делать дальше. Очень хотелось увидеть Юлю. За эти несколько дней они виделись только во время обеда в столовой, но так и не смогли толком пообщаться. Сейчас Юля где-то в лабораториях, и найти её представлялось задачей сложной, может даже невыполнимой.

Сергей направился в парк. Юля говорила, что у неё где-то здесь есть собственный уголок, но где он Сергей не знал. Поэтому он просто побрёл по каменистой дорожке, петляющей между кустарниками и деревьями. По небу неспешно плыли белые тучки, солнце стояло высоко. Временами возникал лёгкий ветерок, приносящий прохладу и яркие запахи цветов. Молодой учёный бесцельно бродил по лабиринту парка, погружённый в размышления. Он заметил скамейку и решил присесть. Над скамьёй распростёрлась тёмная пушистая крона какого-то дерева, и, оказавшись под ней, Сергея сразу стала затягивать дрёма.

В тени было хорошо. Мирно шелестели листья, лицо обдувал свежий ветерок. Сознание начало проваливаться сквозь зыбкую вязь сновидений. Сергей и не заметил, как быстро пролетело время и как тени, постепенно смещаясь, стали совсем короткими. Солнце замерло в зените, его лучи падали почти отвесно. Сергею представилось, что широкая крона дерева над ним – это огромный зонтик, защищающий от палящих лучей.

Он вдруг услышал птичью песню и поднял голову. На ветках сидели десятки птиц и смотрели вниз, на Сергея.

Они молчали.

Юноша не сразу это понял. Песня звучала в мыслях птиц, но они молчали. В их крошечных сознаниях было тесно, человеческому разуму было в них не просторно. Сергей видел мысли этих маленьких созданий и чувствовал их стран-

ный страх, их неуверенность и их надежду. Да, они смотрели на человека с непонятной надеждой, одновременно примирясь с собственной обречённостью.

Они чего-то ждут. Они чего-то боятся. Они что-то знают. Сергей вскочил, взволнованно оглядываясь. Почему, почему они не поют своих песен?.. Юноша вздрогнул. Он вдруг почувствовал рядом с собой некий чужой разум, нечто необычайное и неведомое. Существо смотрело на Сергея из ниоткуда. Юноша коснулся сознания этого существа, но то ни о чём не думало. Оно лишь смотрело и... насмешливо ухмылялось.

Сергей поспешил обратно к институту. Ему показалось, что за спиной кто-то рассмеялся, но он не был в этом уверен. Чужой взгляд пропал, растворился, и в главное здание юноша входил успокоившимся. Странная тревога исчезла подобно мимолётному мороку.

В столовой уже не было Ольги, зато Юрковский переместился в уголок, где играл с бледным мужчиной в шахматы. Сергей подсел к ним и стал наблюдать за игрой. Обдумывая ситуацию на доске и вглядываясь в сознания игроков, он не мог сказать, на чьей стороне окажется успех.

– Скоро пойдём в лабораторию, – сказал юноше Юрковский. Сергей кивнул. Уже минут через пять стало понятно, что старик проиграет партию, и, приближая неизбежное, он сдался сам. – Спасибо за игру, – поблагодарил он бледного мужчину и поспешил на третий этаж к горизонтальным

лифтам. Сергей не отставал. Сюда же через минуту подошла и Ольга, и они все вместе отправились в лабораторию.

Уже на пороге учёные почувствовали сильный запах гари и тяжёлой краски. В дальнем помещении лаборатории колдовал Ложкин. Свешивавшиеся с потолка тонкие манипуляторы заканчивали собирать корпус нового оружия. Сергей пригляделся: системный блок «Стэна» походил на серебристый сплюснутый ящик, из которого торчало трёхметровое дуло и какие-то тоненькие трубки, выходявшие параллельно стволу, но затем под острым углом соединявшиеся с ним. На соседнем столе покоилась пушка дарков.

Сергей обернулся на своих коллег. Ольга уже думала о первых испытаниях оружия, хотя время для испытаний ещё явно не пришло. Юрковский думал о том, что два лежащих рядом орудия похожи как такса и волк. Строение общее, но внешний вид абсолютно разный. Ложкин же...

Этого негодяя было ничем не пронять. Он стоял спиной к вошедшим, и, казалось, их не замечал. Но прочесть его мысли у Сергея всё равно не получалось.

Кто-то строил небоскрёбы,
Кто-то магазины громил,
Кто-то был всю жизнь серьёзным,
Кто-то думал, что счастливым был...

Фёдор не позволял своему разуму расслабиться. Он всегда помнил о способностях Сергея, и каждый миг был готов

защищать собственный разум от посягательств.

– Мы станем богатыми! – обернулся к коллегам Ложкин, предварительно приказав манипуляторам спрятаться под потолком.

– Ты только о деньгах и думаешь, – без интонаций сказала Ольга, направившись к информационным экранам. Юрковский обошёл несколько раз вокруг «Стэна», придирчиво осматривая каждую деталь и закрывая нос от запаха краски. Сергей запустил вентиляционную систему в ускоренном режиме. Под потолком загудел воздух.

– Ты несправедлива, – громко продолжил Ложкин, устало усаживаясь в своё кресло и удовлетворённо потирая руки. – Я и так богат, так что не заблуждайся относительно моих намерений. Деньги – это пошлость. Хотя бы потому, что без них не обойтись.

– Демагогия, – лаконично заключила Ольга.

– Почему? – Ложкин оскорбился. – Демагогия подразумевает лживость утверждений, а мои слова ты не сможешь ни подтвердить, ни опровергнуть. Что, кстати, и не удивительно. – Он слащаво улыбнулся, откинулся поудобнее и закинул ногу за ногу. – Половина людей на планете, – принялся объяснять он, – не способны рожать. Наверное, поэтому мужчины занимают себя философскими поисками, раз уж они не связаны инстинктами. Женщины же не видят смысла осознать своё место во вселенной и искать собственное предназначение, так как думают, что уже знают ответы на эти во-

просы. Заблуждения, наивные заблуждения.

– Ты думаешь, что занимаешься самопознанием? Ты занимаешься самообманом, Федя, – парировала Ольга, не глядя на своего бывшего мужа.

– Ты ничего не поняла, – по-мужски заключил учёный. – Возвращаясь же к цели нашего проекта, напомним, что «Стэн» – это новый шаг в развитии нашей цивилизации. Это прорыв, это гарантия нашей победы над дарками. Не забывай об этом!

– Это только копия оружия дарков, – скептически заметила Оля. – Пусть и с небольшими модификациями. У дарков есть это оружие, у нас будет это оружие. В чём же здесь прорыв?

– Нет-нет-нет! – гневно замахал руками Ложкин, вскакивая с кресла. – Разный уровень культуры подразумевает разные пути развития. То есть, нечто очевидное для дарков недоступно нам. И так же точно наоборот! То, что мы сделали, не укладывается в линии развития технологий дарков. Как не укладывается и в нашу линию развития. Понимаешь? Мы смешали их технологии с нашими! Это принципиально новое устройство, похожее на предшествующие аналоги лишь в деталях. – Он снова сел и затих, нахохлившись.

– Я уже забыла, с чего мы начали разговор, – равнодушно сказала Ольга.

– С денег, – добродушно напомнил Юрковский. Он посмотрел на Ложкина, но тот устало молчал, не желая продол-

жать беседу. Старик сказал: – Я думаю, Федя прав. Мы должны получить вознаграждение за свой труд. Хотя бы потому, что это позволит нам сохранить свои таланты до следующих открытий. Институт нам доверяет. Он вкладывает средства в наш проект. Мы же, если этично так говорить, тратим своё время и свои нервы, но в итоге мы трудимся во благо всего человечества.

– Не ходи кругом да около, – тихо буркнул Ложкин. – Деньги – прах.

– Но ты от них всё равно не откажешься, – повернулась к нему Ольга.

– И никто не откажется, – встал на сторону Ложкина Юрковский. – Но в чём-то Федя всё же прав. Ещё Пифагор осуждал богатство, говоря, что от щедрости оно гибнет, а скупость не даёт им воспользоваться.

– Люди гибнут за металл, – совсем уж тихо пробормотал Ложкин. Он вдруг совсем сник, безвольно развалившись в кресле. – Деньги – это только товар. Хватит о них.

– Сам же начал, – по-женски заметила Ольга. – Я твою проповедь уже слышала в космопорту. – Она вновь посмотрела на экраны, следя за строчками выводных расчётов мощности. – Я боюсь, что это оружие может стать началом конца человечества.

– Снова пророчества, – странным голосом сказал Ложкин. Он понимал, что бредит.

– В спасении гибель, так? – неуверенно произнёс Сер-

гей, подключаясь к беседе. Ольга кивнула ему, одновременно и соглашаясь, и одобряя. Юрковский усмехнулся.

– Знаете, друзья, – сказал он. – Мне вспомнился один интересный случай. Когда-то в далёкой древности при дворе французского короля Людовика XIV проповедовал один священник. И свою проповедь он закончил так: «Мы все умрём, братья!». В этот момент вошёл сам король и недобро посмотрел на этого священника. Священник тут же поправился: «Мы почти всё умрём, братья!».

Сергей непринуждённо рассмеялся – история ему понравилась. Юрковский стоял смущённый. Ольга улыбалась. Затем её лицо выразило неподдельную тревогу. Она вскочила. – Андрей! Кажется, Феде плохо!

Ложкин лежал в кресле без сознания.

***

Вечером за ужином Сергей повстречал Юлю. Они сидели за одним столиком: он неспешно опустошал стакан сока, она задумчиво перебирала по тарелке кусочки фруктов, выстраивая из них забавные рожицы. Разговор не клеился. Сергей с тоской подумал, что им не о чем говорить. Куда-то пропало то странное светлое чувство, охватившее их при первой встрече.

– Как работа? – неслышно спросила Юля.

– Успешно. Бывает тяжело, но я справляюсь. – Он отве-

чал односложно, с трудом подыскивая слова. – Юрковский и Ложкин – с ними интересно работать.

– Я сегодня видела их, – сказала девушка. – Поздоровалась с Ложкиным, а он меня, кажется, даже не заметил.

– Утомился. Заработался. Он сегодня сознание потерял. надышался краски.

– Вот как? Плохо. – Юлия вздохнула.

– Я пойду, пожалуй. Я рад был тебя увидеть. Правда. Сегодня был длинный день.

– Да, – согласилась она. – Пока.

На волне безмыслия и равнодушия Сергея вынесло на третий этаж. Здесь он очнулся, с удивлением глядя на открывшуюся перед ним картину. Перед замершим Ложкиным стоял огромный, по сравнению с учёным, Леонид и держал его за отворот рубашки. Рядом была Ольга, испуганно переводившая взгляд с одного на другого.

– Что? Приревновал? – спокойно говорил Ложкин. – Напрасно. Знаешь, гигант, отпустил бы ты мою рубашку, пока тебе плохо не стало.

Он абсолютно не боялся. Казалось, ему всё равно.

– Лёня, отпусти его, – жалобно попросила Ольга.

– Вот, слушайся женщину, сын льва, – тут же подхватил учёный. – Усмири свои гормоны и пойдёшь конфетку съешь, полегчает. Ну чего ты вылупился, как дикобраз на капусту?

– Ты! – злобно прорычал Леонид, отводя вторую руку для удара. Ольга вскрикнула. Сергей бросился вперёд, ещё

сам не понимая, что собирается сделать. Но делать ничего и не пришлось. То, что случилось дальше, он даже не успел толком рассмотреть: настолько быстро всё кончилось. Леонид почувствовал, как что-то вышибло воздух из лёгких, а затем какая-то огромная сила повлекла его в сторону и грохнула о стену. Так же неумолимо его оторвало от стены, и секундой позже мужчина обнаружил себя лежащим на полу с заломанной за спину рукой. Запястье болело, воздух отказывался входить в лёгкие. Перед глазами всё плыло. В ушах звенело.

– Ну вот. И стоило ли дёргаться? – как ни в чём не бывало спросил Ложкин, усевшись на поверженного противника сверху. Как и все толстячки, он плохо понимал свою силу, однако знал, что сила эта у него есть, и немаленькая. Ольга, прикрыв ладонью рот, нерешительно стояла рядом. Она помнила, как когда-то Ложкин с лёгкостью разметал трёх хулиганов, пристававших к ним в переулке. Это было давно, но женщина навсегда запомнила: Ложкин драться умеет и в обиду себя не даст. Она боялась именно за Леонида, понимая, что он явно недооценивает учёного и ввязывается в нечто, что не поднимет его в собственных глазах.

– Федя, отпусти его, – попросила Ольга, и Ложкин тут же слез со спины оппонента.

– Как скажешь. Вот видишь, сын льва, женщин надо слушаться. Особенно таких женщин. Ты ведь не хуже меня знаешь, что она умнее тебя. А умных надо уважать. – Он закон-

чил бросаться предложениями и посмотрел на Сергея. – Ты уже здесь, ассистент? Иш, примчался! Давай-ка со мной, у нас ещё много работы.

Ложкин в приподнятом настроении направился к лифту, и Сергей поспешил за ним.

***

Сгустились сумерки. Над парком зажглись фонари. Юля уверенно дошла по знакомой дорожке до своего уголка, её личного кусочка экзотического леса, и уселась на скамейке. Ей было одиноко. Невысокие деревья стояли неподвижные, недвижимые ни ветром, ни обитателями заповедника. Здесь было удивительно тихо.

Внезапно совсем рядом из темноты возник чей-то широкий силуэт. Юля вздрогнула.

– Ой!

– Кто здесь? – прозвенел в темноте не менее удивлённый мужской голос. Силуэт бесшумно приблизился и превратился в растерянного Ложкина. – О, так я тут не один. Откуда ты, прелестное дитя?

– Я... я работаю здесь, – справилась с внезапным волнением Юля.

– В институте? Чудно. – Учёный задорно улыбнулся и прочёл: – Ведь я институтка, я дочь камергера, Я чёрная моль, я летучая мышь. Вино и мужчины – моя атмосфера.

Приют эмигрантов – свободный Париж!³

Он огляделся по сторонам и чуть тише спросил:

– Сударыня, вы не будете против, если я присяду рядом?

– Конечно, садитесь! – Юля спешно подвинулась: скамейка была неширокая. Ложкин грузно уселся и повернулся к девушке. В руках учёный держал два стаканчика мороженого.

– Хотите? – предложил он.

– Нет, спасибо, – вежливо отказалась Юля.

– Берите-берите! – настаивал Фёдор. – Одно яблочное, другое клубничное. Какое выбираете?

Немного подумав, девушка решила:

– Яблочное.

Ложкин разочарованно надул губы, но отдал стаканчик со своим любимым мороженым без сожалений. Несколько минут они сидели и ели мороженое. Ложкин закончил первым и заёрзал на месте, дожидаясь, пока с начавшим таять лакомством справится его компаньонка.

– Вкусное, – сказала Юля, расправившись со стаканчиком. – Спасибо.

– Будем знакомы! – улыбнулся учёный. – Фёдор Ложкин, человек и пароход!

– Юля Назарова. Единственная и неповторимая.

Они весело рассмеялись. Одиночество отступило и забылось, знакомство обещало стать интересным.

---

³ Мария Вега (Волынцева), «Институтка».

– Что вас сюда привело в столь поздний час, Фёдор Борисович? – немножко смутившись, спросила девушка.

– Можно просто Федя. И давай на «ты».

– Хорошо, Федя, – уступчиво сказала она. – Так что?..

– О, я просто бродил в темноте в поисках красивых девушек! – пошутил Ложкин. – А если серьёзно, я навещал местечки, где посажены мои деревца. Я же здесь уже работал в своё время. – Он повернулся и указал куда-то рукой. – Вот там стоят две ёлочки. Это мы с женой посадили когда-то. С Олей.

– С Ольгой Власовой?

– Тогда у неё была другая фамилия, – приятно улыбнулся Ложкин. – Ох, как мы любили друг друга. Не знаю, что она во мне нашла, я совершенно не в её вкусе. Наверное, её поразили мои ум и обаяние...

Девушка хихикнула, но скорее для приличия. Учёный понял это.

– Не против, если я ещё прочту стихи? – спросил он.

– Я люблю стихи, – с женской рассудительностью заявила она. Ложкин вспомнил:

– Среди миров, в мерцании светил

Одной Звёзды я повторяю имя...

Не потому, чтоб я Её любил,

А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,

Я у Неё одной ищущу ответа,
Не потому, что от Неё светло,
А потому, что с Ней не надо света.

– Здорово, – тихо сказала Юля. – Очень красиво. И так чувственно...

– Согласен. Ты, кстати, не знаешь автора? – Вопрос был с подвохом, но Юля не разочаровала Ложкина.

– Нет, – просто ответила она.

– Эти строки принадлежат перу Иннокентия Анненского⁴, – почти торжественно произнёс Ложкин, мысленно радуясь, что Юля не торопилась пользоваться по любому поводу услугами Сети. Не то, что всякие там Мамонтовы. – Когда-то я читал их Оле, но ей почему-то не понравилось. Своеобразная женщина.

– Вы её очень любили?..

– Юля, мы же договорились перейти на «ты»!

– Ой...

Возникла неловкая пауза, которую прервал Ложкин.

– Здесь, кстати, есть ещё одно моё растение. Вон там, в уголке, видишь? Пушистое такое, маленькое, ветвистое, с круглыми листочками.

– Карликовая берёзка?

– Да, она. Привёз её лет десять назад, даже больше. Тут тогда было не так пышно. Вот этих вот деревьев и кустов

---

⁴ И. Ф. Анненский, «Среди миров».

не было...

– А это мои, – смутилась девушка. – Я не знала, чья эта берёзка...

– Берёза Ложкина! Хе-хе! Я рад, что берёзку никто не тронул. Клумбочка моя ещё жива? Из белых камней?

– Да. Я ничего там не стала менять.

– И на том спасибо. Вообще, красиво здесь у тебя. Спокойно. Ты хорошо постаралась.

– Спасибо! – довольно мурлыкнула в ответ Юля. – А откуда ты привёз берёзку?..

Ложкин вдруг замер, глядя в одну точку. С его лица сошла вся весёлость, и девушка испугалась, что сказала что-то неправильное.

– Из Исландии, – глухо ответил учёный. – Но это долгая история. И начинать её надо с самого начала, с самых моих первых шагов в этом мире. Но если хотите, Юля, я вам её расскажу.

– Федя, мы же перешли на «ты»...

Ложкин посмотрел на девушку, хлопнул себя по лбу и улыбнулся.

– Верно! Так как? Рассказать? Я боюсь, что это будет долго и неинтересно...

– Я никуда не спешу. – Она положила ладошку на его руку и заглянула в глаза. И почувствовала, как он вдруг снова напрягся, но уже не от тяжёлых воспоминаний. На лице учёного отразилось милое юношеское смущение.

Он начал свой рассказ с не самых радужных воспоминаний. Вся семья Фёдора погибла во время атаки дарков, когда будущему учёному едва исполнилось шесть. Космолёт дарков напал на российский космический крейсер «Генерал Ермалов», эвакуировавший население на Марс. В живых осталось восемь человек, включая маленького Федю. Он мало что запомнил из того происшествия: только внезапный грохот, вспышку, скачѐк гравитации и захлопнувшуюся перед носом переборку.

Через несколько часов с обломков крейсера сняли уцелевших и доставили на Марс. Здесь будущий учёный попал под опеку старенькой няни, подруги матери, прилетевшей на красную планету за несколько суток до происшествия. В Краснограде Федя продолжил ходить в школу. В девять лет впервые влюбился и потерял невинность, что, впрочем, дело вполне обыденное. А вот что необычно: он решил сдать программу за последний седьмой класс на год раньше. И сдал-таки. В десять он поступил в университет, и уже в тринадцать получил первое высшее образование.

Тогда же он опубликовал свои первые работы по квантовой механике, чем привлѐк внимание ведущих учёных, в том числе Фёдора Петровича Татарина, работающего сейчас в Киевском институте. Подумав над предложением Татарина, Ложкин перебрался на Землю. В четырнадцать лет он повстречал Ольгу. Их роман был бурным, чувственным, и уже через месяц они расписались. В семнадцать Ложкин

получил второе высшее и перебрался в Москву для получения третьего. К тому времени первый брак себя исчерпал, Фёдор и Ольга поняли, что не подходят друг другу.

В Москве Ложкин познакомился с будущим академиком Веселином Атанасовым, с которым вместе стал разрабатывать проект нового оружия и системы генерации скользящего пространства. Новый проект был многообещающим, но в то же время очень дорогостоящим, и первоначально двух молодых учёных почти никто не поддержал. Лишь заручившись поддержкой всё того же Татарина, задействовавшего собственные связи в научных кругах, на международной научной конференции в Лейпциге в две тысячи сто семьдесят первом году большинством голосов было принято решение об апробации новых технологий, разработанных Ложкиным и Атанасовым. Двое молодых и перспективных учёных провели успешные испытания, получили Нобелевскую и стали знамениты на весь мир. В двадцать два Ложкин женился во второй раз, но и этот брак не выдержал испытания временем. Уже через год супруги расстались.

– Дивная, чудесная женщина, – вспоминал учёный. – Она была добрая, но при этом характер... Как бы помягче. Вспыльчивый, эксплозивный, резкий! Чуть что, сковородкой по голове и пинком за дверь! Однако благодаря ей я и придумал систему координации космических кораблей посредством человеческого мозга. Появились даже специальные должности: координатор единицы и координатор зве-

на. Увы, так и не появились координаторы флота – машины справлялись с управлением эскадрой лучше, чем биологический мозг. Жаль, что и людьми нельзя так же управлять: если вспылит, сразу же взять под контроль и марш на боковую! Так вот, возвращаясь к координаторам...

Испытания проводились в спешке: большинство кораблей уже оборудовали новым оружием, и человечество готовилось дать даркам решительный бой. Эксперименты выявили как сильные стороны, так и недостатки, однако в целом было доказано, что в бою мозг работает рациональней и быстрее машины.

Наконец, настал семьдесят четвёртый год. Год Битвы над Исландией. Огромный остров пылал от подземного огня. Яркие фонтаны лавы поднимались до стратосферы. С острова спешно эвакуировали последних жителей, и на одном из эвакуационных кораблей находился Ложкин. Тогда-то он и взял с собой маленькую берёзку, рассудив, что если жизнь на Земле исчезнет, он попытается сохранить её частицу, а если люди победят, то эта скромная берёзка станет для него, Ложкина, символом возрождающейся биосферы. Мысли, конечно, наивные, но зато по-настоящему искренние.

Ну, а ход Битвы над Исландией и её последствия всем известны. Ложкин ненадолго замолчал, вернувшись к тем нелёгким военным воспоминаниям, и высказал свою мысль: – Ясно сейчас, что мы были не готовы к битве. Скажем так, мы хотели победы, мы готовились к победе, но мы

не подготовили победу.

– Но ведь мы победили! – возразила Юля.

– В сражении – да, – не стал спорить Фёдор. – А в войне? Хотя тут как посмотреть. Если бы бой состоялся на пару лет раньше, мы бы его проиграли. Новое оружие и новая защита показали себя хорошо. Если бы бой произошёл чуть позже, кто знает, что бы сейчас было с Землёй. Одним словом, битва произошла вовремя, но потери со всех сторон были настолько большими, что война из активной стала позиционной. Моё оружие тогда казалось решением проблемы, но в действительности оказалось лишь паллиативом. Мы не остановили дарков, а лишь продлили себе агонию. Но теперь всё изменится, – другим голосом сказал учёный. – Приближается время, когда мы сможем нанести последний решающий удар! И поверь мне, это случится не через сто лет, а при наших жизнях! Год, максимум два, и даркам придёт конец!

Юля прониклась торжественным восторгом этих слов, но всё же покачала головой.

– Год, два? Не верится...

– Это потому, что война с дарками идёт уже тридцать лет. Конечно, люди привыкли к ней. Привыкли и забыли о мире. Но я говорю: мир возможен. Надо только постараться, и всё получится!

Они ещё долго беседовали этой ночью, делясь воспоминаниями из жизни, читая друг другу стихи и наблюдая за звёздами.

дами. Затем Ложкин проводил свою юную спутницу до жилого корпуса и на прощание галантно поцеловал ей руку. Юля была смущена и польщена вниманием учёного первой величины, оказавшимся к тому же замечательным собеседником.

У Ложкина путались мысли, но он остался холоден душой. Первым делом – проект. Ну, а девушки...

А девушки потом.

***

Сергей присел на траве в тени невысокого белого здания. Впереди и внизу лениво полз глубокий Дон, и солнце рождало блики на тревожной водной глади. За рекой высились старые кварталы Ростова-на-Дону, ничуть не изменившиеся, наверное, за последние сто лет. Всё так же стояли телефонные столбы, в которых давно пропала надобность. Кучно построились жилые дома с чёрными выцветшими на солнце крышами. Большинство окон открыто настежь из-за жары. Кое-где висят верёвки с бельём. По улицам медленно катились машины, немногочисленные и одноцветные. И только где-то далеко на севере, где начиналась промышленная зона, роились в воздухе воздушные транспорты всех мастей.

В ближнем же небе висело только четыре объекта: три светящихся сферы лайтов, тревожно рыскавших над городом, и громадный крейсер «Граф Суворов», закрывшийся опти-

ческим камуфляжем и изображающий большое неподвижное облако. Сергей знал, что это на самом деле не облако лишь потому, что крейсер подлетал к городу без маскировки. Его вызывающе белый корпус напоминал почему-то о самых-самых первых космических кораблях, на которых люди вышли в космос. Они тоже были белыми, хотя и крохотными по сравнению с трёхсотметровым «Суворовым».

Сегодня утром Сергей получил от Ложкина странное поручение. Учёный, всё утро старательно избегавший Ольги, позвонил к себе юношу и тихо сказал:

– Для тебя есть особое задание, ассистент. Есть возможность ускорить работу, но для этого нужно достать кое-какой прибор. Он есть у моего друга, но сам он приехать не может, а я отлучиться от проекта не имею права. За прибором съездишь ты. Бумаги на ввоз аппаратуры Юрковский уже подготовил.

– А это законно? – усомнился Сергей. Он внимательно прислушался к мысленной реакции Ложкина, но у того в голове звенело до боли знакомое и осточертевшее:

Только я не думал, ничего не видел,
И вообще сегодня на всех забил!
Я уткнулся тупо в телевизор
И смотрел его из последних сил!

– Это не твоего ума дело, ассистент. Главное сейчас: доделать оружие. То есть выполнить работу, и выполнить её

хорошо. Ясно?

– И куда же надо ехать? – вопросом на вопрос ответил юноша.

– В Ростов-на-Дону. Старый красивый город. Адрес: улица Луговая, дом... какой-то там, в общем, я тебе сейчас на твой номер всю информацию скину, только не забудь её потом стереть. Это важно.

У Сергея вдруг появилось странное чувство, что его проверяют. Но спорить он не стал. Через сорок пять минут он уже был на нужной улице и получил от нужного человека нужный прибор. Только зачем всё это было в действительности нужно, было решительно непонятно. Обратно Сергей не спешил. В этот ранний тихий час вообще не хотелось никуда спешить. Да и что вообще может случиться в таком отчаянном захолустье?..

Через минуту он понял что. Космолёт дарков появился внезапно, как молния. Непроницаемо чёрная двадцатиметровая сфера материализовалась в небе и тут же метнулась в сторону, избегая мгновенной атаки. Спокойствие утра было благополучно разрушено. Сергей вскочил, наблюдая за схватившимися космолётами пришельцев. На вид чёрная сфера была вдвое крупнее кораблей лайтов, но на их стороне был численный перевес. И к тому же над местом воздушной битвы висел пока ещё не замеченный крейсер-гигант, по-прежнему выглядевший как облако.

Странная идея овладела сознанием: Сергей вдруг по-

думал, почему бы не попытаться прочесть мысли пилота дарков? Расстояние, конечно, великовато, до чёрного шара не меньше километра, но попытаться стоило. После недолгих сомнений, он, наконец, решился, сосредоточился и потянулся сознанием вверх, стремясь настигнуть стремительно круживший корабль. И получилось!..

– Трое посланников... Веду огонь... Человеческий крейсер в небе... Прячется...

Чужие мысли доносились обрывками, и в них чувствовалось что-то чужеродное, нечто злое и жестокое. Сергея вдруг опалила волна ненависти.

– Я вижу его!.. Он в моих мыслях... Строитель «Эха»... Передайте Главному... Один посланник рядом!.. СМЕРТЬ!!!

Последняя мысль состояла из одной лишь ненависти, настолько сильной и непроглядной, что померк даже солнечный свет. Сергей с силой протёр глаза и тут же услышал страшный грохот наверху. Одна из светящихся сфер лопнула, и под ней обнаружился странный летательный аппарат лимонно-кремового цвета. Аппарат – плоский шестигранник – завертелся, уходя с линии атаки дарков, но было слишком поздно. Одним кораблём лайтов стало меньше. Вниз полетели пылающие обломки. Секундой позже пробудился небесный гигант «Суворов». Голографический камуфляж померк, и крейсер начал неумолимое сближение.

От крейсера в сторону корабля дарков пошла быстрая све-

тящаяся воздушная волна.

Удар! Ещё удары! В чёрном энергетическом коконе появились округлые пробоины, тут же начавшие затягиваться. Но новые удары силовых установок пробивали щит крошечной тьмы. Сергей почему-то не удивился увиденному. До сих пор считалось, что сфера – истинная форма кораблей пришельцев, однако сейчас стало отчётливо видно, что это лишь оболочка, футляр, под которым скрывается настоящий корпус корабля.

– Не могу... – донеслась с небес отчаянная мысль. – Очень силён... Их больше... Но ещё есть шанс... Я не могу его захватить... Я его уничтожу... Скажите Главному... Сто тридцатый выполнил долг... Иду на смерть.

Поток мыслей прекратился. Описав в воздухе широкую дугу и оставляя далеко позади отставшие и вылетевшие на вираже кораблики лайтов, отчаянный дарк (теперь Сергей не сомневался, что пилот всего один) направил сферу в сторону крейсера. «Суворов» поспешно разворачивался, направляя орудия на врага. Но противник атаковал первым. Носовая часть крейсера вдруг взорвалась изнутри, уничтоженная рвущимся во все стороны пучком энергии. Оружие дарка нанесло удар *сквозь* корпус корабля, как когда-то точно также были нанесены удары по мантии планеты.

«Суворов» потерял ход и накренился. Он всё ещё был опасен, и дарк вдруг резко повернул вниз, стремительно сближаясь с землёй. Сергею показалось, что чёрная сфера несёт-

ся прямо на него, но в последний момент выстрелом «Суворова» космолёт дарка сдуло в сторону, и тот на огромной скорости рухнул в воду. В последний миг внешняя оболочка спала, обнажая продолговатый корпус цвета маренго. Дон вздрогнул. Послышался громкий шлепок, заглушивший на миг идущий с неба рокот. И внезапно над водой взметнулся вверх исполинский огненный язык, своей вспышкой затмивший солнце. Чудовищный взрыв потряс пространство. Грохот оглушил, раздавил своей тяжестью. На несколько мгновений проявилось речное дно. Воздушная волна смела прибрежные постройки. словно пепельные разлетались от страшного удара дома, фабрики, заводы. Как спички ломались столбы, оплавленные фонари гнулись к опалённому асфальту. Изуродованные лодки и малые суда выбрасывались на берег гигантскими волнами. Мост через реку обрушился в воду, подняв облако брызг. Стремительно распространялось пламя.

Сергей успел подумать, что он умер, и принял эту мысль на удивление хладнокровно. Но неизбежная, как казалось, участь, миновала его. Широкое мерцающее силовое поле, проецируемое с «раненого» крейсера стало стеной на пути разрушения. Два корабля лайтов соорудили похожие поля с другой стороны, замкнув круговую защиту и не позволив энергии взрыва полностью уничтожить город.

Пламя заметалось кошмарным облаком в центре параболической ловушки, восставая всё выше и выше. И сейчас же

огненный демон получил последний, сокрушительный удар. Конус силового поля, направленный с «Суворова», пронзил бушевавшее облако словно копье, и разъярённый воздух ринулся на освободившееся пространство: две разделённые стены огня столкнулись и взаимоуничтожили себя. Над сошедшимися водами реки закружилось тяжёлое чёрное облако гари, постепенно рассеивающееся и опадающее бессильными хлопьями.

Сергей устало упал на землю, пытаясь осознать случившееся и ещё не веря в своё чудесное спасение.

5. Минуты озарений

Новый день начался для Ложкина с водных процедур. Он долго вертелся у зеркала, наконец, сообразил побриться и долго рыскал в сумке. Завладев гелем для бритья, он нанёс тонкий слой прозрачного вещества на подбородок, и тот за считанные секунды растворил недельную щетину. Тщательно обтерев лицо бумажным полотенцем, Ложкин принял тонизирующий ионный душ.

День обещал стать насыщенным и трудным. В лаборатории Ольга возилась с расчётами, вынужденная делать работу Сергея. Она искоса поглядывала на бывшего мужа, но говорить с ним не хотела. Ложкин не настаивал.

В дальнем помещении усевшись напротив «Стэна» замер Юрковский. В руках он держал странного пушистого зверька: круглого, серого, с острой треугольной мордочкой. Худая старческая рука рассеянно гладила зверушку.

– Что это у тебя за гадость? – бесцеремонно спросил Ложкин. Он придвинул к старику кресло и сел рядом.

– Это Малышка. Забавная, – рассеянно ответил Юрковский. – Дедушка подарил.

– Балует он тебя, – проворчал Фёдор. Его голос изменился. – Что-нибудь слышно от нашего дорогого ассистента? Когда он возвращается?

– Не знаю. – Старик покачал головой. – Ты же слышал, ка-

кая там ситуация приключилась. Он стал свидетелем ужасных событий. И, наверное, чувствует себя обязанным помочь.

– Это не его дело. – Ложкин нахмурился и отвернулся, когда Малышка оглянулась на его голос. – Мне нужно то устройство. И... нужен ассистент. Не смотри так, я беспокоюсь за Ольгу. Я, конечно, могу взять на себя часть обязанностей этого мальчишки, но, между нами, композиторами, это форменное безобразие.

– Да-да, – вяло проговорил Юрковский. Он почему-то казался сильно постаревшим.

– Что? – насторожился Фёдор. – Что-то не так?

Повисла пауза, во время которой Ложкин ёрзал на стуле и недоверчиво косился на мохнатую тварь. Наконец, старик сказал:

– Объясни, зачем ты *на самом деле* отправил Сергея выполнять это поручение?

Теперь уже молчал Ложкин. Будь он моложе лет на десять, обязательно ляпнул что-нибудь вроде «Мне нужен тот прибор, что непонятного?». Но это была бы ложь, а лгать почему-то очень не хотелось. Не тот настрой был у старика, ох, не тот! Юрковский сейчас видел Ложкина насквозь и уличил бы во лжи моментально.

Ложкин поднялся и, как ему показалось, вполне спокойно сказал:

– Из последнего гвоздя ключик не получится.

Поймёт ли Юрковский намёк? Или эта фраза предназначалась не для него вовсе, а для самого Ложкина?

Учёный неторопливо вышел, не глядя на старика. В своей комнате он открыл терминал связи и набрал номер Романа. Майор не заставил себя ждать. На экране появилось его серьёзное лицо. Строгая причёска, мундир как с иголки. И только тёмные круги под глазами выдавали усталость и напряжение.

Майор молчал, глядя на Ложкина. Учёный тоже не спешил начать диалог. После коротких колебаний, он произнёс:

– Спасибо, что прикрыл моего человека, Рома. Хотя это было в твоих интересах, всё равно спасибо.

– Это действительно было необходимо? – сухо осведомился Роман, имея в виду поездку Сергея в Ростов-на-Дону и спецоперацию «Суворова».

– Много жертв? – виноватым голосом осведомился учёный. Майор вздохнул.

– На крейсере двое погибших и десять раненых. А в городе... Я пока не знаю точно. Но счёт идёт на сотни, может даже на тысячи. Если бы не лайты, город был бы обречён. – Они замолчали, стараясь не смотреть друг другу в глаза. – Скажи, – не своим голосом произнёс Роман, – ты знал, что появится корабль дарков?

И этот туда же! Он тоже, кажется, до чего-то догадался! – мысленно испугался Фёдор.

– Я боялся этого, Рома. И мне очень жаль, что мои опа-

сения подтвердились. Однако это ещё не конец. Да, дружине, нам предстоит новая битва, жарче этой. Возможно, уже завтра понадобится твоя помощь. Я не знаю ещё зачем, но чувствую, что это скоро произойдёт. Ты знаешь моё чутьё. – В глазах Романа отразилась серьёзная решительность. Он кивнул. Ложкин сидел перед монитором, невидимо для собеседника сжимая кулаки, но изо всех сил стараясь, чтобы лицо не выдало истинных чувств. – Ты сейчас на Земле?

– Да.

– Хорошо. Я скоро свяжусь с тобой. Крепись.

Он отключил связь.

***

Работа постепенно подходила к концу. Ложкин чувствовал: ещё несколько дней, и образец будет готов. Однако былого энтузиазма не ощущалось. Временами Ложкин включал бесплатные каналы и слушал новости.

– ...в небе был замечен корабль дарков, атаковавший крейсер Российского Военного Космического Флота «Граф Суворов». Из трёх кораблей лайтов один был уничтожен в самом начале боя. Крейсер смог нанести ответный удар, и корабль дарков потерпел крушение прямо посреди реки. Последовавший за падением взрыв был слышен даже в Мариуполе. По предварительным оценкам в результате взрыва погибло более семисот человек. Более пяти тысяч размеще-

ны в больницах и госпиталях. Около двадцати тысяч семей остались без крова...

– ...во время массированных налётов кораблей дарков на китайские военные космопорты в Сиани, Шанхае, Циндао и Тайчжуне этим утром уничтожено прямо в доках свыше сотни китайских космических крейсеров. Во время прорыва Азиатского Сектора Планетарной Обороны были уничтожены шесть кораблей дарков. Этой акции противника предшествовали демонстративные появления чёрных сфер в различных уголках Земного шара, в связи с чем появлявшиеся в тех же местах корабли лайтов оказались рассеянными по всему миру и не смогли прийти на помощь во время главной атаки. Министр обороны Китая заявил, что...

– ...о нём сообщили полицейским завсегдааи бара «Весёлый мангуст», где проходил праздник тexasской кухни. Тело мужчины было обнаружено в мусорном баке. Специалисты сообщили, что труп был покрыт вязкой жидкостью, в которую дарки предположительно окунают своих жертв при репликации. Мужчину почти тут же опознали. Им оказался Джозеф Малколм, работник подстанции Контроля Южно-Американского Сектора Обороны. Полицейские немедленно оцепили подстанцию, но клон Джозефа до сих пор не обнаружен. Возможно, он прячется от полиции, полагая, что произошла ошибка. Напомним, в точно такой же ситуации год назад клон Джима Коллинза, сам того не понимая, уничтожил водопроводную сеть длиной шестьдесят ки-

лометров под Вашингтоном. Вот фото репликанта. Если вы увидите Джозефа Малколма, немедленно сообщите об этом по номеру, который вы видите на экране...

– Новое открытие совершили французские космонавты на Ганимеде. Вчера в двадцать два часа по Гринвичу международный исследовательский корабль «Aureole»⁵ совершил посадку на спутнике Юпитера. По заранее рассчитанной программе на поверхность Ганимеда вышли зонды-разведчики. Капитан Симон Барро доложил на Землю о...

Ложкин выключил телевизор. Стало почему-то тоскливо и противно. Да, дарки не препятствуют земным кораблям исследовать ближний космос. Но частенько нападают на корабли, возвращающиеся домой. Не пускают на Землю. Вредничают, сволочи.

Отвлечься от неприятных мыслей помогла работа. Фёдор даже не стал тратить время на обед, заставив себя вплотную заняться расчётами. О Сергее до сих пор ничего не было слышно.

Уже ближе к вечеру Ложкин поднялся из-за стола и с недовольством услышал, как предательски хрустнули колени. Ноги затекли от долго сидения на месте, и хотелось немедленно пойти прогуляться. Что и было сделано.

Парк манил своей открытостью и свободой. Несколько молодых людей о чём-то оживлённо беседовали перед институтом, но в самом парке дорожки оставались пустыми и ти-

---

⁵ «Ореол», фр.

хими. Ложкин устремился вглубь, забывая все свои проблемы. Он шёл мимо цветущих кустарников и молодых деревьев, мимо ёлочек и мшистых полян, мимо карликов и настоящих зелёных исполинов. Создавать такие парки, пожалуй, модно. Не только потому, что люди таким образом пытаются спасти многообразие гибнущей природы, а ещё и потому, что каждый вкладывает в общее дело частичку своей души и через труд ощущает своё единство с окружающим миром. Даже самый одинокий человек в такой парке забудет обо всех своих бедах и домыслах.

Ложкин отыскал Юлин уголок и свою берёзку. Он уселся на знакомую скамейку и стал ждать непонятно чего. Хотел ли он снова увидеть Юлю? Поговорить с ней? Или же он стремился не потерять нечто ускользающее и невидимое, нечто, что можно осознать лишь в одиночестве и что было упущено в прошлый раз? Ложкин вслушался в себя, но так и не понял своих ожиданий. Вечернее солнце мерцало в подвижных кронах деревьев. Шло время.

Учёный заскучал. Он вдруг почувствовал себя одиноко одиноким, хотя только недавно думал, что даже самые одинокие здесь не одиноки...

– Ерунда какая!

Он резко поднялся и решительно пошёл прочь. Мимолётно он отметил красоту буковой рощи, через которую решил пройти в поисках другого пути назад. Он не любил возвращаться уже пройденными дорогами. Роща была прекрасна.

Красивее только, пожалуй, берёзовые рощицы, хотя это, конечно, дело вкуса. Выйдя на развилку, Ложкин остановился и в раздумьях прислонился к какому-то широкому дереву. Он заметил, что у дерева вместо листьев толстые зелёные блины, покрытые колючками.

Что за странность? – подумалось внезапно. «Галапагосская опунция, – тут же ответила Сеть. – Древовидный кактус». Ложкин испытал приступ отвращения к себе. И в эту прекрасную секунду кто-то внезапно коснулся его локтя.

– Что? – встрепенулся он, оборачиваясь.

– Привет! Ещё не соскучился по мне? – Это была Света, девушка-фантом, рождённая больным сознанием учёного.

– Тьфу, напугала!

Света обиженно надулась, но тут же весело улыбнулась и лукаво подмигнула.

– Ты такой напряжённый. – Она обняла его за шею и прильнула всем телом. – Тебе явно не хватает женской ласки.

С этим Ложкин не стал спорить. Про себя он отметил, что Света вполне себе осязаема. Она тёплая, мягкая, приятная. И совсем живая.

– Надеешься меня соблазнить?

– Аха! – ничуть не смутилась девушка, чуть выгнув талию и обхватив стройной ножкой его бедро. Её взгляд обещал наслаждение и негу. Ложкин сглотнул.

– Знаешь, я начинаю думать, что я одержим нехорошим духом.

Света рассмеялась и отступила на шаг от учёного. Фёдор оставался серьёзен.

– Тебя что-то беспокоит? – неподдельно взволновалась Света.

– Я не знаю, – честно ответил он. – Всё перепуталось, смешалось. И пушка эта дурацкая, и Сергей этот странный, и активизировавшиеся дарки, и Юрковский, и Оля, и даже Павленко...

– Павленко?

– Да, такой козлобородый дядя, работающий над телепортационной установкой. Хотя знаешь, я надеюсь, что он добьётся успеха. Если размах его проекта такой, как я думаю, то его открытие позволит нам достигнуть звёзд! И тогда уже никакие дарки не будут нам страшны! Понимаешь?

Света задумчиво прикусила губу.

– Понимаю. – Она явно не разделила восторга учёного. – Но лучше бы не понимала, – сказала она странным голосом.

– Так. Теперь не понимаю я. В чём дело? – Ложкин ощутил непонятное беспокойство.

– Мне пора. Прости. – Девушка отстранилась от учёного, бросила на него извиняющийся взгляд и растворилась в воздухе.

Фёдор снова остался один. Некоторое время он стоял, терзаемый сомнениями, а затем внезапно сорвался с места и что есть сил помчался к институту. В лифтовой кабине он нервно метался кругами, приговаривая: «Скорей, ско-

рей, скорей». Наконец, очутившись в своей комнате, он запустил терминал связи и запросил номер Павленко. Конкурент научного фронта ответил не сразу, словно сомневался, стоит ли принимать вызов. И всё-таки решился.

– Ба! Никак сам Ложкин собственной персоной? – Треугольное холёное лицо Павленко выражало надменность и в то же время растерянность.

– Стёпа, давай оставим эти глупости. – Что-то в голосе Фёдора мгновенно заставило Павленко принять серьёзный вид.

– Что случилось? – спросил он.

– Пока ничего. Но я боюсь, что я только что сделал большую глупость. Если мои догадки хоть наполовину верны, твоей жизни грозит серьёзная опасность.

– Не понимаю.

– Я тоже пока не всё понимаю. Слушай. Ты ведь знаешь о моей интуиции. Доверься мне. Не покидай свою лабораторию без сопровождения. Усиль охрану. Запроси «РосКосмос» о военной поддержке. Пусть в небе над тобой всегда будет хотя бы один корабль. Это важно. Что ещё?..

– Да погоди ты! В чём дело-то?

– Ах, да, вспомнил. Слушай, Стёпа. У меня есть серьёзные опасения, что дарки смогли усовершенствовать свою систему репликации. Удвой, нет, утрой свою охрану! Если хоть один клон доберётся до твоей лаборатории, о нашем звёздном проекте можно будет забыть. Ты меня понимаешь?

Павленко молчал, с подозрением глядя на собеседника.

– Федя, с тобой всё в порядке?

– Нет! – вспыхнул Ложкин. – И не будет в порядке, пока ты не позаботишься о своей безопасности! Я боюсь, Стёпа. Если бы ты знал, как я боюсь, что из-за моей болтливости ты можешь лишиться жизни. Тебе надо всего лишь поверить мне. Просто усиль меры безопасности, это тебе ничем не навредит. Обещай мне.

– Хорошо. – Павленко понял, что не добьётся прямого ответа, и решил не спорить. – Я сделаю, как ты скажешь.

– Вот и умница. Удачи тебе. Я, может, ещё свяжусь с тобой.

И, не дождавшись ответа, Ложкин оборвал связь.

Возвратившись в лабораторию, Ложкин застал Юрковского, со странной миной блуждающего вдоль стен и нервно озирающегося.

– Что такое? – кивнул ему Ложкин.

– Малышка потерялась, – грустно сказал Андрей Георгиевич.

– И правильно. Сбежала твоя крыса, скоро друзей сюда приведёт.

Старик ещё больше погрустнел, и Фёдор испытал к нему жалость. Чтобы не мешать ему, Ложкин решил навеститься в столовую и перекусить, тем более что там сейчас наверняка никого нет – время ужина давно миновало. Однако он ошибся. И не смог сразу понять, обрадовался ли он этому или удивился.

За самым дальним столиком над пустым бокалом сидела Юля. Она положила голову на сплетённые пальцы и задумчиво смотрела в окно. За окном сгущались холодные сумерки. Ложкин неслышно подошёл к одному из автоматов и наугад заказал себе коктейль. Автомат выдал бокал и короткую бумажку с рецептом. Захватив и то, и другое, учёный подошёл к Юле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.